

18+

И СЕКАЙ

Еремеев С. А.

Сергей Еремеев

Исекай

«Издательские решения»

Еремеев С.

Исекай / С. Еремеев — «Издательские решения»,

Эй, ты. Думаешь, это очередной исекай? Сдох, получил меч, гарем и титул героя? Закрой книгу. Здесь такого нет. Меня зовут Рэн. Я уже успел привыкнуть к этому миру. К грязи, крови и тем, кто улыбается перед тем, как тебя убить. К монстрам, магии и всякой чертовщине. К городам, где жизнь стоит дешевле лошади. Если всё ещё держишь книгу, значит, у тебя либо отличный вкус, либо серьёзные проблемы. Добро пожаловать в мой мир. Книга содержит нецензурную брань.

© Еремеев С.

© Издательские решения

Содержание

Задание первое спасти девушку	6
Задание второе убить короля скардрека	28
Задание третье защита города	52
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Исекай

Сергей Еремеев

© Сергей Еремеев, 2026

ISBN 978-5-0071-4146-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Задание первое спасти девушку

Молодой парень лениво шаркал ногами по оживлённой улице, будто каждое движение давалось ему с трудом. Вокруг кипела жизнь: слепящие фасады высоток из стекла отражали палящее солнце, заставляя его жмуриться, а по проезжей части нескончаемым потоком неслись машины, сигнали и взвизгивая тормозами. Было жарко — асфальт словно плавился, воздух дрожал над раскалённым тротуаром, а люди спешили по своим делам, не замечая друг друга, не замечая его.

Чёрные, грязные волосы парня висели сосульками, липли к лбу и закрывали глаза. Он смахнул их ладонью, но тут же передумал — какая разница? Его лицо было бледным, почти прозрачным, кожа натянулась на скулах, подчёркивая болезненную худобу. Солнце будто прожигало его насквозь, но ему было всё равно. Одежда — старая, рваная футболка и вытянутые треники — давно потеряла цвет и форму. Он не помнил, когда в последний раз принимал душ, но это тоже не имело значения.

Прохожие цепляли его плечами, но никто даже не оборачивался. Они были лучше, успешнее, они куда-то спешили, строили планы, добивались целей. А он? Отброс. Ничтожество. Так о нём говорили ещё в школе. Он пытался быть, как все, пытался влиться в толпу, но не блистал ни умом, ни физической силой. Неудачник. Тот, кого проще не замечать. Насмешки, подзатыльники, грязные записки на парте — он терпел, пока мог, но в какой-то момент просто исчез. Бросил школу, закрылся дома и перестал существовать для реального мира. Компьютерные игры, манга, аниме — вот что стало его жизнью. В виртуальности он мог быть кем угодно — воином, гением, героем. Там его не били и не презирали. А здесь, на улице, он был всего лишь призраком среди успешных, спешащих по своим делам людей.

Единственное, что могло вытащить его из душной, воняющей пылью и мусором квартиры, — это релиз новой игры. Он брёл по городу, не замечая ни гудков машин, ни раздражённых взглядов прохожих. Его мысли крутились вокруг пиксельных миров, новых механик и лута. В ушах шумел фантомный саундтрек из трейлера, а перед глазами мелькали сцены из роликов, которые он пересматривал всю ночь.

Он пересёк дорогу, даже не глянув на светофор. В последний момент кто-то вскрикнул, но было уже поздно. Рёв мотора, визг тормозов — и мир превратился в хаос. Удар. Лёгкость. Время замедлилось, кости ломались со странным хрустом, а его тело, как тряпичную куклу, отшвырнуло в сторону. Удар о землю, вкус крови во рту, резкая боль, затем — темнота.

— Ну и отлично, — пронеслось в голове. — Наконец-то.

Но конец не наступил. Он распахнул глаза и увидел перед собой ночное небо, усыпанное звёздами. Прохладный ветерок щекотал кожу. Он моргнул несколько раз, приходя в себя, пытаясь осознать, что произошло. Где шум улицы? Где визг тормозов? Где боль? Медленно приподняв голову, он осмотрелся. Вокруг раскинулся лес, высокие тёмные силуэты деревьев окружали поляну, освещённую багряным лунным светом. Грунтовая дорога тянулась в неизвестность, уходя между стволами. И тут он увидел Алтарь.

Каменный помост, древний, покрытый трещинами, пронизанный корнями и поросший густым мхом. По краям высились два мраморных монумента, похожих на шпиль. Гладкие, выточенные временем, они уходили ввысь, словно тянулись к луне, но что-то жуткое связывало их между собой. Над помостом, на высоте около метра, висело нечто живое. Мясистая масса, похожая на орган. Стенки её были тонкими, натянутыми, розово-багровыми, сквозь них проглядывали кровеносные сосуды, которые лениво пульсировали. Вязкая жидкость стекала с неё каплями, падая на камень внизу. Форма... Была ли она случайной? Или это и впрямь походило на женскую матку? Он не знал. Но знал, что оно дышало. Оно двигалось, сокращалось, словно

собиралось породить что-то новое. За алтарём в тёмном небе возвышалась красная луна — огромная, чудовищная. В этом пейзаже не было места человеку.

И всё же он находился здесь. Его бросило в дрожь, но не от страха — от восторга. Он знал этот сюжет. Он читал о таком в книгах, видел в аниме. Перерождение. Новый мир. Магия! Он вскочил на ноги, даже не обратив внимания на то, что был совершенно голым. Адреналин захлестнул, сердце забилося чаще. Он сделал шаг, потом ещё один, затем подпрыгнул. Всё реально! Смеясь, он вскинул руки вверх и попытался сосредоточиться.

— Пламя! Лёд! Гром! — выкрикнул он, чувствуя себя героем в начале пути.

Но ничего не произошло. Прежде чем он успел задуматься, почему не вышло, его пронзила резкая боль. В груди что-то хрустнуло, тело дёрнулось назад, ноги подкосились. Он опустил взгляд и увидел древко стрелы, торчащее из его груди. Воздух вышел из лёгких. Перед глазами снова поплыла тьма.

Из тьмы леса вышел человек. Он двигался беззвучно, почти призрачно, но в его шаге чувствовалась уверенность опытного охотника. Лунный свет скользнул по его фигуре, высвечивая детали.

На нём была лёгкая броня, плотно облегающая тело. Кожаный нагрудник тёмно-бурого цвета выглядел изрядно потрёпанным — местами потрескался, а на боковых ремнях виднелись следы грубых латок. Поверх нагрудника был накинут плащ из серого, выцветшего от времени и грязи полотна. Его край был неровно обрезан, а ткань местами прорвалась, но, несмотря на потрёпанный вид, он скрывал силуэт, позволяя сливаться с тенями.

Руки скрывались под кожаными наручами, плотно зашнурованными до локтей. На ладонях тёмные перчатки без пальцев, испачканные вьевшейся грязью и засохшей кровью. Ветер шевельнул плащ, обнажив перевязь с ножнами у бедра и потёртый пояс, на котором висело несколько маленьких мешочков и ножи с костяными рукоятями.

Его ноги были обтянуты тёмными, заууженными к низу штанами, заправленными в высокие кожаные сапоги. Подошвы почти не скрипели — они были сшиты так, чтобы не выдавать движения. Луна осветила его только частично. Капюшон скрывал большую часть головы, оставляя видимой лишь нижнюю половину лица. Чёткие, резкие скулы, тонкие губы, прямая линия подбородка. Кожа казалась загрубевшей от солнца, ветра и множества шрамов на лице, едва заметных в этом тусклом свете.

А затем он поднял голову. Из-под капюшона сверкнули глаза — тёмные, глубоко посаженные, с хищным, холодным блеском. Из-под ткани выбивались рыжие локоны. Волосы были средней длины, растрёпанные, а рваная чёлка спадала на лицо, частично закрывая глаза. Он медленно посмотрел на обнажённое тело перед собой и сосредоточил взгляд на левой груди. Там, на бледной коже, выделялось родимое пятно в форме треугольника. Он замер на несколько секунд, словно оценивая увиденное, а затем слегка склонил голову в задумчивости.

— Не лучший день чтобы переродиться, — тихо сказал он.

Металлический блеск, влажный хруст. Голова отделилась от тела, череп раскрылся под уверенными движениями, мозг нарезался на аккуратные кусочки. Всё это исчезло в банке с маринадом, а незнакомец, не торопясь, скрылся в чаще леса. У костра, пылающего в глухом лагере, он уселся на пенёк, снял крышку с банки и, не раздумывая, отправил кусочек в рот. Горячая волна прокатилась по телу, зрачки расширились, мир поплыл перед глазами. Провал. Через несколько секунд он снова открыл глаза.

Всё-таки японец... Но почему опять хикан? О, привет. Ты, наверное, думаешь, что за хуйня здесь творится? Расслабься, я всё объясню. Даже дам попробовать. Как я сюда попал... На Земле появился новый вирус. Не просто какой-то грипп, а настоящая ебаная пандемия. Всё пошло по пизде. Люди заперлись по домам, улицы опустели, мир начал медленно, но уверенно съезжать с катушек. До этого у меня была нормальная жизнь. Престижный вуз, спортзал,

расписанный по минутам день. Ну, знаете, типичный путь успешного человека. А потом я заболел и сдох. Просто взял и умер.

И вот он я, голый, на этой грёбаной опушке, в каком-то ублюдочном фэнтези-мире. Передо мной висит эта пизда. Ну ладно, формально — органическая хрень, а ещё в небе светит красная «луна», и местные зовут её Найка, а солнце здесь называется Лиар. Я не сразу понял, что произошло. На груди появилось родимое пятно в форме треугольника. Классика, да? Попаданец, реинкарнация, вторая жизнь. Только вот никуя. Здесь не светлое фэнтези с гаремами, не очередной беззубый мир, где я бы мог построить себе королевство из вайфу. Здесь полный пиздец.

Сеттинг грязного средневековья. Полный комплект: рабство, классовое неравенство, насилие, отсутствие гигиены, болезни, от которых люди подымают, как мухи. Вы ещё думаете, что в средневековье было романтично? Хуй там. Вы просто никогда не жили в мире, где из тебя вышибают дерьмо просто потому, что могут.

Первые годы? Да ну его нахер. Всё самое плохое, что можно вообразить, случилось со мной. Ещё и гуманитарием, сука, был. Вот не мог я в прошлой жизни стать инженером? Глядишь, тут бы не пропал. Но даже жалкие школьные знания что-то да дали. Язык не знал. Тут местная тарабарщина — помесь французского и немецкого. Но когда тебя дрючат в рабстве, учишь быстро. Потом стал авантюристом. Не потому, что хотел, а потому что выбора, как обычно, не оставалось. Здесь меня зовут Рэн.

Парень достал из банки очередной кусочек мозга, покрутил его в пальцах.

А теперь к главному. Вы, наверное, хотите спросить: «На хрена ты жрёшь мозги, ёбнутый?» Хороший вопрос. А вот зачем: Парень, которого я убил, всё равно бы не выжил. Вы же его видели — бледный, дрожащий, с глазами затравленного кролика. Он бы сдох в ближайшую неделю. Его бы изнасиловали, продали в рабство или просто растоптали местные. Так что да, я ему помог. Быстрая смерть лучше той хуйни, которая ждала его впереди. И не надо думать, что я сразу хватаюсь за нож. Я пытался помогать таким, как он. Объяснял, учил, вытаскивал из неприятностей. Даже устраивал их жизнь. И знаешь, чем это обычно заканчивалось? Они не слушают. Считают себя особенными. Думают, что мир обязан подстроиться под них. Лезут туда, куда не стоит лезть, а потом умирают из-за собственной глупости. Я был бы благодарен тому, кто избавил меня от этих мучений. Так что не спеши меня осуждать. Я бы ещё посмотрел, что на моём месте сделал бы ты.

Перерождения здесь происходят случайно, в моменты активности найки. И далеко не все приходят из одного мира. Некоторые даже не слышали о Земле. Вернуться назад нельзя. Я уже проверял. А мозги я ем потому, что если правильно их замариновать, то можно увидеть воспоминания владельца. Так что, если я всё сделал правильно, сейчас посмотрю, что творится на Земле. Ну, погнали.

Рэн ещё пару минут посидел у костра, глядя, как тлеют последние угли. Ночь пахла гарью, сырой землёй и чем-то металлическим. Вдалеке, за стеной леса, ночные твари переговаривались низким утробным рыком. Он закрутил банку, спрятал её в рюкзак, затем облил кострище водой, размазал золу сапогом и наконец поднялся.

— Бескостный, мальчик мой, пойдём. — Голос разрезал тишину, отразился от деревьев, и через мгновение из темноты шагнул силуэт.

Он двигался бесшумно, почти плавно, словно тень, у которой вдруг появилась плоть. Свет найки скользнул по его коже, высветив гладкую, бледную, почти мраморную поверхность. Ни единого загара, ни единой родинки — только шрамы, пересекающие тело подобно паутине. Красные глаза вспыхнули в темноте.

Он был жилистым, сухим, но при этом не казался слабым — наоборот, каждое движение выдавало силу. Под кожей перекачивались тугие мышцы, но в них не было избыточной грубости, только отточенная, хищная форма. На нём были обтягивающие кожаные штаны, заправ-

ленные в сапоги, а торс оставался голым, за исключением множества ремней, перетягивающих грудь и руки. Металлические пряжки тускло поблёскивали в свете найки.

Но главное — лицо. Точнее, то, что от него осталось. На нижней половине была закреплена грубая кожаная маска, закрывающая нос и рот. В ней были сделаны неровные прорезы, сквозь которые виднелись зубы. У него не было губ. Только голая десна, обнажающая каждый зуб в жуткой усмешке, которой не было.

Рэн перекинул рюкзак через плечо, проверил ремни и оглянулся. Лес оставался позади — чёрные силуэты деревьев тянулись в темноте, а над горизонтом поднималась Найка, заливая мир кровавым светом. Где-то вдалеке раздался вой, и он только усмехнулся.

— Двигаем, — бросил он, не оборачиваясь.

Бескостный, шагавший рядом, раздражённо щёлкнул пальцами, привлекая внимание, и жестами показал: «Теперь ты рад? Время зря потратили, крюк сделали.» Рэн лениво пожал плечами.

— Не ной. Редко когда так удачно время подбирается. Теперь я смогу месяц наслаждаться виденьями моего мира... и с тобой поделюсь.

Бескостный фыркнул, но спорить не стал.

— Мы скоро подойдём к Корнару. Там отдохнём и соберём информацию, — добавил он, поправляя ремни, и ускор шаг.

Лес постепенно редел. Деревья становились ниже и реже, всё чаще уступая место широким участкам травы. Ещё через пару часов дорога вывела их на равнину. Здесь начинались земли герцога Лотара — одного из самых влиятельных людей королевства Валэнтар. Именно здесь находился его родовой замок. После гражданской войны, едва не расколовшей королевство на части, этот край пережил второе рождение. Через него проходили важные торговые пути, поэтому город быстро рос и богател. Купцы везли сюда товары со всего Валэнтара и соседних государств, а местные рынки редко пустовали даже ночью. Хотя владения Лотара уступали по размеру землям двух других герцогов, сам он считался вторым человеком в королевстве после короля. Именно Лотар представлял интересы Валэнтара за границей, заключал торговые соглашения и вёл переговоры с иностранными правителями. Многие даже шутили, что половина золота королевской казны проходит через его руки. Немалую прибыль приносили и ремесленники. В городских мастерских обрабатывали кожу, создавали мебель и дорогие украшения. А многочисленные поселения в окрестных лесах занимались заготовкой древесины. Лес сплавляли по рекам, продавали соседям и использовали для строительства, благодаря чему земли Лотара продолжали богатеть год за годом.

Однако проблем здесь тоже хватало. Через владения герцога проходил важный торговый перекрёсток, а значит, хватало и разбойников. Караваны регулярно подвергались нападениям, несмотря на патрули и награды за головы бандитов. Не меньше трудностей создавали внутренние проблемы. Несмотря на процветание края, классовое неравенство никуда не исчезло. Богатые становились ещё богаче, а бедняки зачастую оставались бедняками до конца жизни. Местная знать предпочитала не замечать этого, а некоторые дворяне и вовсе поддерживали существующий порядок, считая его выгодным для себя. На этом фоне процветала и коррупция. Часть налогов по дороге к казне удивительным образом оседала в карманах чиновников и мелких дворян. Лотар боролся с этим жёстко. Для пойманных на воровстве дворян он даже ввёл смертную казнь, чем заслужил немало врагов среди знати. Но полностью искоренить проблему не смог даже он. Слишком много людей успели привыкнуть жить за чужой счёт.

Корнар был окружён каменной стеной, местами потрескавшейся и поросшей мхом. Сама крепость выглядела надёжной, но было видно, что её давно не ремонтировали. Над башнями полоскались знамёна с чёрным лисам идущий по упавшему стволу дерева — гербом герцога Лотара. Врата охраняли стражники в тёмных доспехах, вооружённые копьями. Они лениво переговаривались между собой.

Город встретил их шумом, вонью и суетой. Узкие улочки были забиты повозками, торговцы громко зазывали покупателей, предлагая специи, ткани, оружие, а по грязным мостовым текли мутные ручьи нечистот. Пройдя дальше можно было обнаружить, что главную часть города занимает рынок — огромное, хаотичное пространство, где пахло приправами, жареным мясом, потом и тухлятиной одновременно. Дальше начинались кварталы ремесленников: кузнецы, кожевники, ткачи — здесь воздух был густ от дыма и гари. А вдали, за этим царством работы и торговли, лежали трущобы — мрачный лабиринт грязных переулков, забитых убогими лачугами, где человеческая жизнь не стоила ни гроша.

— Как воняет, — поморщился Рэн.

Бескостный лишь пожал плечами, равнодушно оглядываясь по сторонам. Он не был брезгливым. Склонив голову, подняв два пальца — сначала один, потом второй, затем сделав жест, словно подносил стакан к губам. Рэн кивнул.

— По барам и борделям, понял. «Хромой волк» или «Красная сирень»?

Бескостный показал большой палец вверх, развернулся и растворился в толпе. Рэн только кивнул. Ему и не нужна была компания. Бескостный был хорош в драке, но в тонкостях информации не разбирался — его интересовали только удовольствия и кровь. Рэн затянул пояс потуже и нырнул в людской поток, растворяясь в шумном городе.

Рэн пошел в гильдию авантюристов. Здесь всегда пахло потом, дымом и чем-то кислым, вроде разлитого эля и застарелой крови. Внутри царил хаос. Кто-то точил кинжалы, кто-то проверял арбалеты, парочка здоровяков играли в кости, а один пьянчужка уже валялся лицом в луже собственной блевотины.

Рэн прошёл мимо, не привлекая внимания. Здесь он был своим, но это не означало, что стоит расслабляться. Стол регистрации находился в глубине зала. За ним восседала Шерон — тучная женщина в возрасте, с ярким макияжем и платьем, которое, казалось, вот-вот треснет по швам. Её внушительная грудь грозилась вывалиться наружу, но её это, похоже, только забавляло.

— Привет, Шерон. — сказал Рэн, прислоняясь к стойке.

Женщина подняла глаза, и её лицо расплылось в широкой ухмылке.

— Привет, Рэнчик. — она медленно облизала губы. — Ну что, наконец-то созрел? Готов вкусить настоящую женщину?

С этими словами она схватила свои груди и начала их трясти, хохоча. Рэн усмехнулся.

— Ты сначала скажи, сколько в тебе было членов до обеда?

Шерон взорвалась смехом так громко, что даже те, кто сидел за дальними столами, повернулись. Громкий, визгливый, с надрывом. Рэн лишь хмыкнул.

— Рада тебя видеть, мальчик. — сказала она, вытирая слёзы.

— Я тоже.

Она игриво улыбнулась и оперевшись на локоть, изучающе посмотрела на него.

— Ты всё-таки взялся за это дело? Спасение дочери герцога Карста?

— Да. Деньги нужны. Плата достойная, даже за мёртвую.

— Какой ты бесчувственный, Рэнчик.

— Какой есть.

Шерон поиграла бровями, но тут же перешла к делу.

— Ты здесь из-за телеграммы о выкупе? Думаешь, след ведёт сюда?

— Это слабая зацепка, но хоть с чего-то надо начинать.

Шерон задумалась, хрустя пальцами.

— Прости, но помочь не могу. Мы так и не выяснили, кто отправил телеграмму. Рэн поморщился.

— Но, — продолжила она, — в городе творится что-то странное. Обычно у нас всегда полно приезжих, но за последний месяц появилось слишком много лиц, которые выбиваются

из общей массы. И что самое интересное — стража и сам герцог Лотар ведут себя так, словно ничего не замечают. А ведь похищена дочь одного из Герцогов.

— Показательное безразличие?

— Похоже на то.

Рэн кивнул.

— Спасибо, Шерон. Пойду пройдуся, поищу информацию.

Женщина заполнила документы и протянула их ему.

— Смотри, дел не натвори. — крикнула она вдогонку.

Рэн только улыбнулся.

— Постараюсь.

И, помахав рукой, исчез в шумной толпе. Первым делом Рэн отправился на рынок. Здесь слухи распространялись быстрее, чем чума. Он шёл между лавками, ловя разговоры, приглядываясь к лицам. Два мясника что-то обсуждали, хмурясь, жонглёры рассказывали сплетни своим зрителям, старуха, торговавшая пряностями, делилась новостями с соседкой:

— Говорят, её похитили прямо из кареты! Да кто бы осмелился?

— Тсс, не болтай. Проблем не оберёшься...

Рэн задержался у лавки с фруктами, притворяясь покупателем. Местные торговцы знали больше, чем им казалось.

— Как с выкупом-то? — спросил он у торговки, якобы невзначай.

Женщина покосилась на него, но не стала молчать.

— Герцог Карст снарядил людей, но говорят, похитители выбрали место обмена далеко... Ущелье Харнст. Странно, не находишь? Это ведь прямо на границе владений Карста и Лотара...

Рэн кивнул. Он это уже знал. Но вот то, что простые торговцы были в курсе — это интересно. Значит, слухи расползлись широко. Дальше была «Пьяная крыса» — заведение для всех, кто предпочитал выпивать в темноте и тишине. Здесь зависали мелкие воришки, бродяги, наёмники, которым не хватало денег на приличную выпивку. Рэн взял кружку дешёвого эля, уселся в дальний угол и просто слушал.

— Да я тебе говорю, похитители эти странные. Не местные, но и не северяне. И у них есть те, кто владеют магией, точно тебе говорю!

— Брешьешь!

— Клянусь! Видел их точно не местные, они припасы покупали. Четверо из них вооружены до зубов, а один вообще с посохом, по любому знает заклинания...

Рэн сделал вид, что зевнул, но запомнил. Это стоило учесть. Рэн не тратил время зря. В таких местах, как Корнар, информация всегда имеет цену — иногда это золото, иногда страх, иногда просто нужные слова, сказанные в нужный момент.

Закончив с «благоприятными районами», парень направился в сетевые улицы — паутины узких переулков, кишаших преступниками всех мастей. Здесь обитали воры, карманники, скупщики краденого. Люди, чьи уши слышат больше, чем им следовало бы.

Первым в списке был Большой Джас — старый контрабандист, державший лавочку по продаже «упавшего с телеги» товара. Джас не любил неприятностей, но ещё больше не любил, когда его пальцы ломали об стол. С ним Рэн действовал просто: купил дешёвую побрякушку, заодно завёл беседу. Кривой Джас плевался, делал вид, что ничего не знает, но после легкой демонстрации того, как его рука может внезапно перестать сгибаться в локте, вспомнил про каких-то тихих парней, приехавших три недели назад. Жили за городом, не привлекали внимания. Одного звали Ладо, второго — Зик.

Следующей остановкой был Ниф — старый шулер, который держал подпольное игорное логово в подвале мясной лавки. Он знал всех, кто хоть раз ставил монету, включая тех, кто не любил показываться в городе. Ниф любил деньги и разговоры. Когда Рэн кинул на стол пару серебряных монет, тот даже не стал ломаться. Он слышал, что кто-то искал место, где можно

скрыться и пересидеть с «живым товаром». Судя по описанию, подходило только одно место — заброшенное поместье в сорока километрах от Корнара.

Рэн знал, что такие операции, как похищение дочери герцога, требуют подготовки. Наёмникам нужны припасы, оружие, зелья, возможно, даже магические артефакты. Всё это можно достать либо через чёрный рынок, либо у официальных торговцев, если знать, кого спрашивать.

Он начал с самого логичного места — городской таможни. Там проверяли грузы, и если кто-то завёз в город необычно крупную партию оружия или припасов, это должно было отразиться в записях. За пару монет его пустили. Рэн там не чего интересного не нашёл. Значит, следующий шаг — кузницы.

Рэн прошёлся по мастерским, кидая наводящие вопросы. Вскоре он нашел то что ему нужно.

— Да, закупались.

Кузнец Хуго, несмотря на крепкое телосложение, был пуглив. Увидев Рэна, он сначала напрягся, но немного серебра и меди помогли расслабиться.

— За последний месяц у меня много оружия купили. Обычно покупатели разные, но...

Рэн заметил, как кузнец замешкался, будто не знал, стоит ли продолжать.

— Что-то ещё? — спокойно спросил он.

Кузнец вытер потный лоб и понизил голос:

— Эти ребята... странные. Брали добротное оружие, но не новое. Им нужны были мечи, которые выглядят так, будто ими уже пользовались.

Рэн усмехнулся. Простая, но эффективная тактика — не привлекать внимания. Новое оружие могло навести стражу на след, а вот потрёпанное.

Далее — алхимики. Рэн направился в лавку зельеваров. Такие места всегда воняли хуже, чем трущобы — едкий запах трав, кислых настоев и перегоревших реагентов смешивался в густую, приторную вонь. Но зато информация здесь была не хуже, чем в архивах: если кто-то закупал яд, зелья силы или противоядие, об этом знали все местные торговцы.

За прилавком стоял высохший, как корень мандрагоры, старик. Грязный фартук, пожелтевшие ногти, мутные глаза, изучающие Рэна так, будто он был очередным ингредиентом для его варева. Рэн не стал тратить время:

— Мне нужны сведения о тех, кто закупал что-то нестандартное или в больших количествах, — сказал Рэн, положив монету на стойку и обращаясь к старику.

Старик ухмыльнулся, подцепил монету длинными пальцами и не торопясь убрал в карман.

— Две недели назад приходили парни... Брали зелья, много разных.

— Что именно?

— Тоники, стимуляторы, противоядие... — алхимик наклонился ближе, его голос стал тише. — И несколько бутылок «Чёрной крови».

Рэн стиснул зубы.

«Чёрная кровь». Зелье, которое глушит боль, не даёт телу отключиться, даже если тебя уже разрубили почти пополам. Проклятая алхимическая смесь, что превращает человека в живого мертвеца на несколько часов. Похитители были где-то поблизости и, похоже, даже не пытались затаиться. Хорошо. Значит, их можно выцепить. Рэн задумался. Если среди них есть новички или просто самоуверенные ублюдки, то кто-то обязательно засветится. Опытные головорезы могли бы залечь на дно, но не каждый способен долго сидеть в темноте. Кто-то выйдет в город — выпить, повеселиться, потратить деньги, которые он получил за эту работу. Рэн направился в самый дорогой трактир города.

В таверне «Три петуха» всегда сидели сливки Корнара, зажиточные купцы, скупающие всё, что можно, от драгоценностей до рабов, и шишки преступного мира, контролирующие

рынки, бордели и перевозки. Контингент был самый разнообразный, но все знали, что здесь решают дела, а не устраивают беспорядки. Рэн шагнул внутрь, морщась от удушливой смеси запахов — эля, пота приправленного духами, и вони жареного мяса. Он скользнул взглядом по залу, прислушиваясь к разговорам. В основном пьяные рассказы, торговые сделки, какие-то обсуждения поставок. Обычная трактирная болтовня.

Ему нужен был тот, кто выделялся. Долго ждать не пришлось. В дальнем углу, за кружкой пива, сидел молодой парень — лёгкая броня, но не из дешёвых, а добротная, сделанная на заказ. Одноручный меч с хорошей балансировкой, не грубая солдатская ковка, а оружие человека, который умеет убивать. И цапки на теле — перстни, амулет, браслет с гравировкой. Не простой наёмник. Рэн заказал эля и сел за соседний стол, сделав вид, что просто отдыхает. Следил за парнем исподтишка, изучал движения, выражение лица, реакцию на окружающих. Затем встал, будто бы опьянел, и, делая вид, что пошатывается, специально врезался в него, незаметно подмешав в его кружку пару капель сонного зелья.

— Дебил, смотри, куда прёшь! — взревел парень, резко вставая.

Рэн вскинул руки, делая вид, что напуган.

— Пппра... стите! — он заплетающимся языком старательно играл пьяного. — Я... э-это моя вина...

Парень сузил глаза, резко вытащил меч, его пальцы сжались на рукояти.

— Ты думаешь, так просто уйдёшь?

— Ой-ой, не кипятись... Вот моя компенсация.

Рэн достал из кармана три серебряных монет и швырнул их на стол.

— Выпей за мой счёт.

Парень стиснул зубы. Было видно, как поигрывают желваки, как в глазах мелькает ярость, но он слышал, как посетители начали шептаться. Не хотел привлекать лишнего внимания. Меч вернулся в ножны.

— Вали.

Рэн склонил голову, изображая испуг, и послушно попятился к выходу. Как только оказался снаружи, нырнул в сквер напротив, укрывшись в тени деревьев, и начал наблюдать за парнем через окно. Тот пил пиво. Минуту. Две. Потом потёр глаза, будто в них что-то попало. Ещё через какое-то время пошатнулся, но сделал ещё глоток. В конце концов, он едва смог подняться со стула и, шатаясь, направился к выходу. Рэн двинулся следом. Парня заметно клонило в сторону, ноги подкашивались, дыхание сбилось. Через пару кварталов он рухнул прямо на мостовую. Рэн подошёл ближе, быстро осмотрел его. Был соблазн допросить его прямо здесь, но если этот ублюдок пропадёт, его поделщики поднимут тревогу. А ему нужно было, чтобы они не знали, что их ищут. Он склонился над телом, вытянул руку и произнес заклинание «Развеивание». Рэн скатал ему рукав и увидел на предплечье метку — сломанный череп. Он знал этот знак. Синдикат «Прах». Они не просто разбойники или бандиты, а большая организация. Рэн забрал у парня мешочек с золотом чтобы все выглядело как ограбление.

Рэн направился в одно из местных заведений преступников — притон «У мертвого пса», где обычно ошивались бывшие и нынешние члены подпольных организаций. Там он нашёл старого мужчину по кличке Кривой Том он знал много о синдикатах в том числе и про «Прах». Рэн сел напротив него, не говоря ни слова, просто достал мешочек с медными монетами и высыпал его содержимое на стол.

— Мне нужны имена, «Прах», — сказал он спокойно.

Том поблёк.

— Ты с ума сошёл, парень... Это же «Прах». Они тебя выпотрошат.

Рэн наклонился ближе:

— Это не просьба, Том.

Старик сглотнул и вытер лоб.

— Ладно, ладно... Ими командует Гарек Стервятник. Бывший военный, специалист по осадам и засадам. Жестокий, как чёрт, и хитрый как змей. Он — не тот, кто тупо режет всех подряд, он мыслит и планирует.

— А что с его подчинёнными?

— Дариан и Вальда. Дариан — у него заклинания огня и молний. Слышал, что он способен превратить броню в расплавленную массу за несколько мгновений. А молния, говорят, настолько быстрая, что ты даже не успеешь моргнуть, как уже в могиле окажешься. Он опасен на расстоянии, без вопросов.

— А Вальда?

— Вальда — у него способности, «Металлические руки». Это как если бы он мог заставить свои руки быть как железо, или наносить такие удары, что будто бы остриём ножа бьёт.

— А сам Стервятник?

— Стервятник — это вообще отдельная история. У него есть способности. Он усиливает своё тело, чтобы быть быстрее и сильнее, чем любой человек. Это, как если бы у него всегда была броня, не видимая для глаз, а его удары — это как молот. Заклинаниями он может манипулировать воздухом, создавая смерчи, которые могут просто разорвать противника. В бою с ним ты не сможешь уйти с поля боя без шрамов — его действия быстры и смертоносны.

Рэн задумался, разминая пальцами виски. Это не кучка деревенских бандитов, а преступный синдикат. Его напрягало, что как минимум трое из них владеют магией. Рэн всё ещё не знал их точное число, но хотя бы знал, где искать. Это уже что-то. Заброшенное поместье — и хорошо, и хреново. Парень добрался до таверны и завалился на койку. Сон не шёл. Он уставился в потрескавшийся потолок, слушая, как внизу храпят пьяные наёмники и спорят в карты мелкие воришки.

Магия... Ладно, слушай, раз уж ты тут. Давай расскажу тебе, как тут устроена магия. Хотя, честно, сам хуй знаю, как она работает. Всё, что я выяснил за годы в этом мире, выглядело примерно так: Магия делится на способности и заклинания. Способности — это когда ты усиливаешь себя или предметы. Быстрый шаг, острое лезвие, ядовитые клинки — всё вот это. Заклинания — это уже что-то созидательное. Огонь, молния, полёт, управление тенями. Короче, вот это всё эффектное говно, из-за которого магов считают богами. Чтобы колдовать, нужна мана. Всё, как и в грёбаных играх. Только проблема в том, что у меня её, как у дохлой кошки. Колдовать я могу, но даётся это через жопу. Заклинания и способности надо получать через свитки. В них какие-то каракули и пентаграммы. Берёшь свиток, пытаешься его прочитать — и если повезёт, твой мозг это как-то собирает в цельную картину. Я хрен его знает, как это работает. Будто ты — стена, а тебе просто доставляют кирпичи. Магию теоретически может освоить каждый, но вот, чтобы пройти обучение — это пиздец. Даже мигрень после изучения — это фигня, по сравнению с тем, что бывает с теми, кто полез в более сложные штуки. Например, некоторые маги просто умирали, схватив аневризму. Свитки можно купить в лавках или обменять у других магов. Ни одна из разумных рас не способна создавать свитки самостоятельно. Их создают только боги. Время от времени они появляются в мире, принося новые заклинания или вновь создавая уже существовавшие ранее свитки. У меня несколько низкоуровневых способностей и пара заклинаний. И вот это серьёзная проблема.

Парень закрыл глаза и вздохнул. Рэн проснулся с тяжестью в голове. Веки налились свинцом, тело ломило после ночи. Он моргнул, приподнялся на локти и посмотрел на соседнюю кровать. Бескостный спал, раскинувшись, как дохлый кот, одна рука свисала вниз. В комнате пахло старым деревом, потом и дешёвой выпивкой. Через щель в ставнях пробивался серый утренний свет. Таверна уже жила своей жизнью — внизу раздавались крики, лязг посуды, чей-то сочный смех.

Рэн сел, потёр лицо и выдохнул. Сегодня надо было работать. Он провёл рукой по своей дорожной сумке, проверяя, всё ли на месте. Ножи, пара зелий, три медяка, запасной плащ. Достал оружие — кинжал был наточен, арбалет в порядке. К обеду Бескостный наконец пошевелился. Зевнул, почесал шею и усталился на Рэна с видом человека, который не понимает, какого хрена происходит.

— Подъём, — буркнул Рэн, застёгивая ремни.

Бескостный вопросительно приподнял бровь.

— Сегодня едем к поместью.

Тот кивнул, потянулся и начал собираться. Ближе к вечеру они отправились в гильдию авантюристов, где взяли двух лошадей и повозку. Город остался позади. За окрестностями Корнара тянулись разбитые дороги, поля, редкие хутора. С каждым километром цивилизация угасала. Когда солнце коснулось горизонта, они наконец добрались до цели. Лошадей с повозкой оставили за несколько километров, привязав их в небольшой роще. Дальше пошли пешком.

Они сидели в кустах, наблюдая. Поместье возвышалось на холме, тёмное, мрачное, как памятник чьим-то забытым амбициям. Каменные стены растрескались, крыша частично обвалилась. На фасаде виднелись следы пожара — когда-то здесь бушевал огонь. Заросший двор, выцветшие фрески, скрипящие ставни, которые ветер толкал туда-сюда. Но самое главное это поместье не было пустым.

Рэн заметил часового на крыше. Тот лениво опирался на арбалет, но всё же оглядывал окрестности. У ворот дежурили ещё двое. Одеты в кожаную броню, мечи при поясе. Дальше во дворе — ещё трое. Один сидел у костра, двое переговаривались рядом со старыми повозками. Минимум шесть человек. И это только те, кого видно.

— Плохо, — пробормотал Рэн себе под нос.

Нужно было выяснить больше. Сколько их на самом деле? Какое у них оружие? Где держат девчонку? Но времени на это не было. Рэн повернулся к Бескостному и жестами дал сигнал: заходи справа, я слева. Тихо. Тот кивнул, безмолвно вытащил нож и исчез в тени.

Рэн натянул капюшон. Плащ был зачарован — он скрывал его присутствие, и в темноте фигура становилась почти невидимой. Осторожный вдох. Медленный выдох. Он активировал «Мягкий шаг» — способность, позволяющую двигаться без единого звука. Рэн скользил по земле, не издавая ни шороха. Охрана у ворот даже не повернула головы, когда он прошёл мимо. Дальше — задняя стена. Разбитое окно. Он подтянулся, закинул ногу и мягко, почти невесомо, влетел внутрь.

Запах пыли, гнили и старой крови. Тёмные коридоры, стены, потрескавшиеся от времени, местами испачканные копотью. Старые гобелены висят клочьями, пол под ногами покрыт слоем грязи. Где-то в глубине слышны голоса. Хриплый смех, лязг кружек. Рэн двигался вдоль стен, избегая пятен света, пробивающегося сквозь дыры в крыше. Всё шло гладко, пока из-за угла не вышел парень. Молодой, тощий, с всклокоченными волосами. Он зевнул, поправляя штаны и застёгивая ремень с висящим на нём мечом. За спиной покачивался щит, будто парень надел его ещё до того, как окончательно проснулся. Рэн застыл, прижавшись к стене. Плащ делал своё дело — парень прошёл мимо, даже не подозревая, что смерть смотрит ему в затылок. В мгновение ока Рэн сделал шаг вперёд, обхватил его сзади одной рукой, другой вогнал нож в горло. Парень захрипел, дёрнулся, пальцы вцепились в запястье Рэна. Тёплая кровь хлынула по лезвию, заливая руку. Через несколько секунд тело обмякло. Рэн аккуратно опустил его на пол, следя, чтобы не было шума. Один готов. Теперь главное — не спалиться. Не успел Рэн пройти и нескольких шагов, как позади раздались суета и крики:

— К нам проникли!

— Обыскать все!

Чёрт. Всё пошло не по плану. «Блядь, Бескостный, я же просил...» — мысленно выругался он, ускоряя шаг. Теперь скрытность не имела смысла. Выбежав из-за угла, он чуть не врезался в трёх разбойников.

— Вот он! — заорал один, вытаскивая меч.

Рэн не сбавил шаг. Бандит сделал выпад, направляя клинок в грудь, но Рэн резко ушёл в сторону, схватил его за руку и активировал заклинание «Разряд», электрический импульс пронзил тело. Послышался сухой треск — тело содрогнулось в конвульсиях, кожу прошили электрические искры. Разбойник задымился и рухнул замертво. Двое других попятились, сжав рукояти мечей.

— Ублюдок магией владеет! — заорал один.

Рэн выхватил кинжалы, и мир вокруг словно замедлился. «Быстрый шаг» сделал его движения — резкими, неуловимыми. Первый разбойник взмахнул мечом, но удар прошёл сквозь пустоту. В тот же миг Рэн полоснул его по запястью. Пальцы разжались, меч с глухим звоном упал на пол. Разбойник дёрнулся, но не успел даже вскрикнуть — вторым кинжалом Рэн вогнал клинок в его шею, резко провернув. Второй напарник сделал ошибку. Отшатнулся, замешкался, но не сбежал. Наоборот — рванул в атаку, вложив всю силу в горизонтальный удар. Рэн не отступил. Он шагнул вперёд, пропуская удар в сантиметрах от себя. Лезвие меча прошло по воздуху, не задев его, а в следующий момент кинжал уже впивался в бедро нападающего. Хруст. Клинок прорезал мышцу, ломая кость. Разбойник взревел, но Рэн не дал ему упасть. Рывком развернул и всадил кинжал под рёбра. Острие вошло под кожу, перерезая ткани и вонзаясь в лёгкое. Разбойник захрипел, хватая воздух ртом. Рэн отпустил тело, позволяя ему рухнуть в лужу крови. Отступил на шаг, вытирая кинжал о плащ. Всё заняло не больше пары секунд. И тишина.

Он бросил быстрый взгляд на коридор. Дыша тяжело, Рэн достал два пузырька — один для восстановления маны, другой для выносливости. Бросил на землю пустые склянки, чувствуя, как сила наполняет тело. В этот момент стена в нескольких метрах от него разлетелась к чёрту. В облаке пыли что-то пролетело через всю комнату и с глухим ударом впечаталось в соседнюю стену. Это был Бескостный. Он застонал, пошатываясь на полу. Его грудь покрывало обугленное пятно, по ткани пробегали крошечные искры. Из пробитой стены шагнули двое. Уверенные, сдержанные. Они не спешили бросаться в бой. Рэн сузил глаза, оценивая противников. Всё складывалось так, как он и предполагал. Дариан и Вальда.

Первый — высокий, жилистый, в боевой броне, покрытой прожжёнными следами и царапинами от клинков. Кираса поблёскивала тусклым стальным светом, на левом наплечнике виднелась эмблема с расколотым черепом — знак синдиката «Прах». Его лицо скрывал зашнурованный кожаный капюшон, а из-под него время от времени вспыхивали голубоватые искры — отблески магии, струившейся по его телу. В руках он сжимал длинный боевой посох из чёрного дерева, обитый железом на концах. По его поверхности, словно змеи, скользили крошечные молнии, потрескивая при каждом движении. Время от времени по пальцам колдуна пробегали разряды. Дариан. Рэн уже знал, на что он способен. Опасный ублюдок.

Второй выглядел иначе. Если Дариан полагался на заклинания, то этот на способности. Среднего роста, но жилистый, с хищной пластикой в движениях. Его броня была более лёгкой — тёмная кожаная куртка с усиленными металлическими вставками на груди, плечах и предплечьях. Под ней — тонкая кольчуга, почти незаметная, но точно дающая неплохую защиту. Лицо открытое, с острыми скулами и тонкими губами, в уголках которых таилась пренебрежительная ухмылка. Волосы короткие, светло-русые, уложенные назад. Глаза — холодные, настоженные. Он не держал оружие в руках, но выглядел так, словно мог убить даже без него. На поясе висело с десятков метательных ножей. Они были закреплены по диагонали — быстрым движением руки он мог выхватить любой и метнуть в цель. Лезвия не блестели — их явно

чем-то покрыли, чтобы они не отражали свет. Вальда. Убийца. Рэн сжал кинжалы и бросил короткий взгляд на напарника.

— Бескостный, вставай! Твой — с посохом!

Бескостный застонал, поднялся, отряхнулся, качнул шеей, хрустнув позвонками, и принял боевую стойку. Дариан и Вальда переглянулись. Они не спешили нападать — сначала оценили взглядом своих противников. Рэн первым рванул в атаку, кинжалы мелькнули в воздухе, но Вальда двигался вровень с ним. Оба пользовались «Быстрым шагом». Рэн нанёс серию ударов, острое кинжала скользнуло к горлу, но Вальда тыльной стороной ладони отбил лезвие. Следующий удар — то же самое. Рэн отступил. Его оружие проскользило по коже Вальды, но не оставило ни пореза, ни царапины. Руки Вальды светились тусклым металлическим блеском. Способность «Железные руки». Теперь это не просто конечности, а клинки, способные разрубить доспех и кость. Ладонь мелькнула у самого лица Рэна. Он едва успел уклониться, чувствуя, как воздух сам по себе разрезается этим движением. Вальда вдруг отступил, выхватил нож и метнул. Рэн успел среагировать — отбил лезвие кинжалом и сразу понял, что преимущество не на его стороне. Он перекатился в сторону, избегая следующего удара, вскочил на ноги и схватил лежавший на полу меч. Затем рывком добежал до ближайшего трупа, выдернул у него из-за спины щит и развернулся навстречу врагу, готовясь принять новый выпад. Теперь у него появился шанс на сближение.

На другом конце коридора Бескостный яростно пытался подойти ближе. Но Дариан крутил посох, словно жнец, рубящий воздух. Каждый взмах сопровождался разрядом молний, вспышками магии. Бескостный рванул вперёд — но его отбросило волной энергии. Он ударился спиной о стену, сплюнул кровь и снова кинулся в атаку.

В тот же миг Рэн оказался под ударом другого противника, по коридору пробежал лёгкий ветерок. Рэн почувствовал, как его ноги оторвались от земли. Поток воздуха подхватил его и со всей силы швырнул в стену. Глухой удар. Парень рухнул на четвереньки, отплёвывая кровь. В ушах стоял звон, дыхание сбилось.

И в этот момент появился он. Высокий. Громадный. Мускулистое тело, словно высеченное из камня, покрытое сетью старых шрамов. Шёл медленно, не спеша. В каждом его шаге чувствовалась уверенность. Он не спешил бросаться в атаку. В одной руке у него находился огромный меч, будто не имевший для него никакого веса.

Гарек Стервятник смотрел спокойно. Его глаза, холодные, цвета остывшей стали, не выражали ни злости, ни гнева. В них читалось лишь одно — холодное, уверенное желание убивать.

Рэн опустил голову, стиснув зубы. Между пальцев у него было зажато несколько пузырьков с разноцветной жидкостью внутри, один — «Восстановление маны». Второй — «Восстановление выносливости». Третий — «Исцеление». Сделав глоток за глотком, одним за другим пока не опустошил все флаконы. Жар разлился по телу. Он схватил меч, поднял щит, смахнул с губ кровь и рванул прочь.

— Бескостный, эти двое на тебе. И не порти им лица.

Бескостный кивнул, скривившись в ухмылке, поднял большой палец вверх, затем стянул один из своих ремней. Гарек не спеша пошёл за Рэном. В его движениях не было ни торопливости, ни лишнего напряжения — лишь уверенная поступь того, кто привык убивать. Рэн юркнул в тёмную комнату, скрываясь в тених. Он затаился. Ждал. Как только силуэт Стервятника появился в проёме, он рванул вперёд и полоснул мечом по бедру. Лезвие оставило лишь неглубокую царапину. «Каменная кожа», «Сила слона». Вкупе с заклинаниями ветра это делало Гарека практически непробиваемым чудовищем. Рэн отскочил назад, укрываясь за щитом, и тут же скастовал «Воздушные пули». Магические снаряды врезались в торс противника, заставляя его на миг пошатнуться. Гарек медленно опустил взгляд на грудь, затем снова на Рэна и усмехнулся:

— Больно. Значит, плащ скрытности. Больше он не сработает — теперь я с тебя взгляд не спущу.

Рэн, не теряя времени, сбросил плащ и активировал «Зеркало двойников». В комнате замерцали десятки его копий, неподвижно стоящих в полумраке. Гарек окинул их внимательным взглядом, затем фыркнул и взмахнул рукой. «Круговой ветер». Иллюзии исчезли. Рэн не ждал, пока его найдут. Он уже был в движении, бросаясь в атаку. Его меч пронёсся по воздуху, но Гарек шагнул в сторону, и лезвие лишь чиркнуло по торсу. Внезапно Рэн почувствовал удар в живот. Стервятник, даже не поворачиваясь, нанёс сокрушительный апперкот, вонзив кулак прямо в солнечное сплетение. Рэн согнулся, хрипя, отступая назад, но тут же последовал новый удар. Гарек двигался быстрее, чем можно было ожидать от такой громады. Меч со свистом рассёк воздух, и Рэн едва успел вскинуть щит. Удар. Ещё один. Щит треснул. Гарек сделал шаг вперёд и вскинул ладонь. Ветер в комнате взвыл, завихрившись в одну точку. Рэн почувствовал, как его ноги отрывает от пола, как порыв швыряет его в стену. Он рухнул, издав глухой звук, а в груди будто вспыхнул огонь боли. «Твою мать...» Но он не дал себе времени застыть. Рывком дотянулся до пояса, выхватил пузырёк зелья исцеления и резким движением вылил его на губы. Жидкость обожгла горло, но боль мгновенно ушла. Гарек уже шагал к нему. Рэн метнул кинжал, целясь в шею, но порыв ветра отклонил лезвие в сторону. «Он играет со мной.» Рэн выкинул меч, ухватил свёрток и дёрнул за нитку. Дым взорвался, заполняя комнату. Но Гарек только ухмыльнулся. «Вихрь.» Его пальцы взметнулись в воздухе, и порыв ветра разорвал дымовую завесу в клочья. Перед ним стоял Рэн — напряжённый, с мечом в руках. Гарек хмыкнул и, не колеблясь, рассёк его пополам. Но вместо крови от удара разлетелась иллюзия. Настоящий Рэн уже был у него за спиной на нем был одет плащ. В зубах — пузырёк с зельем маны. Ладонь искрилась электрическими разрядами. Рэн раскрыл её и резким движением вонзил руку Гареку в спину. Окутанная плазмой ладонь без сопротивления прошла сквозь его тело, словно раскалённый нож сквозь масло, и вышла через грудь. Стервятник шатнулся, выронил меч, но не упал. Он искал на поясе зелье... и не нашёл его. Рэн ухмыльнулся.

— Их уже нет.

Гарек замер. Затем резко схватил Рэна за голову. Стальные пальцы начали сжиматься. Рэн зашипел от боли, но, не колеблясь, выхватил кинжал и вогнал его в запястье Стервятника.

— Ты даже не представляешь, с кем связался... — прохрипел Гарек.

Но пальцы разжались. Тело рухнуло на пол с тяжёлым звуком. Рэн тяжело дышал. Грудь сжималась от боли. И вдруг он вскинул ногу и с силой ударил Гарека в живот.

— Больно, сука!

Ещё раз, и ещё. Когда злость схлынула, он скрючился, упираясь руками в колени, и пытаясь отдышаться. Он победил. Теперь пора было идти к Бескостному. Десятью минутами ранее Бескостный сражался, но он опять лежал на полу. Его бледное, почти мертвенное тело было покрыто каплями крови и чёрными пятнами от копоти. Воздух в комнате был пропитан гарью, и запахом палёной плоти. Дариан и Вальда стояли в стороне, тяжело дыша. Их лица покрывала испарина, руки дрожали от напряжения. Каждый из них держал по фляге с зельем, жадно заглатывая восстанавливающую жидкость.

— Мы сильнее его, но почему он так напрягает?! — выдохнул Дариан, вытирая кровь с губ.

В этот момент ноги Бескостного дёрнулись. В следующую секунду он поднялся — но не как человек, а как кукла с оборванными нитями. Его ступни стояли на полу, но тело оставалось согнутым, словно позвоночник отказался подчиняться законам природы. Он волочился, неестественно изогнутый, словно сломанная марионетка. Но затем его движения изменились. Он вытянулся, изогнувшись, как змея, затем резко выпрямился, и в этом жесте было что-то первобытное, нечеловеческое. Бескостный скинул ремень.

— Дерьмо... — тихо выдохнул Вальда.

Он бросил ножи. Они вошли в тело Бескостного, один за другим, но он даже не моргнул. Остался стоять на месте, напоминая подушку для иголок.

— Чего ты ждёшь?! — рявкнул Дариан.

Вальда рванул вперёд, «руки мечи» засвистели, рассекая воздух. Он атаковал размахисто, агрессивно, без передышки. Но Бескостный... он будто знал каждое движение заранее. Двигался плавно, уходя от ударов с грацией змеи, оставляя позади лишь свист стали, разрезающей пустоту. И вдруг он схватил Вальду за запястье. На мгновение казалось, что ничего не происходит, а потом по ладони Бескостного побежала кровь. Он сжал пальцы. Раздался сухой хруст — рука Вальды переломилась. Мужчина взвыл, за мгновение пересилил боль и попытался вырваться из стальной хватки, но было поздно. Бескостный уже схватил вторую руку и с такой же лёгкостью переломил её. Вальда закричал от невыносимой боли. Дариан выпустил три огненных шара. Они ударили в грудь Бескостного, заставив его отступить. На его коже проступили ожоги, она задымилась. Но уже через несколько секунд раны начали затягиваться. Он потряс головой, избавляясь от ошмётков обгоревшей кожи, и снова принял боевую стойку.

— Чёртов мутант! — выдохнул Дариан.

— Этот ублюдок мне руки сломал! — истерично закричал Вальда.

Его дрожащие, опухшие руки потянулись за эликсирами. Сначала — исцеляющий. Потом — «Чёрная кровь».

— Дебил, не делай это! — рявкнул Дариан.

Но было поздно. Зрачки Вальды стали чёрными. Он рванул вперёд, как зверь. Его движения стали хаотичными, дикими. Он атаковал безрассудно, его удары обрушивались на Бескостного без малейшего расчёта. Бескостный не успевал реагировать на всё. Он получал раны. Кровь брызнула на пол. Но и Вальда перестал защищаться. Он потерял контроль. Бескостный резко подался вперёд, нанёс сокрушительный апперкот в челюсть. Вальда рухнул. Бескостный тяжёлым шагом подошёл и прижал его к полу, наступив на спину. Вальда дёргался, извивался, но Бескостный просто схватил его за руки и начал тянуть. Рывок. Хруст. Кровь хлынула. Вальда ещё дёргался. Бескостный топнул по его спине. Позвоночник сломался. Мёртв. В тот же миг что-то ударило Бескостного по голове. Он пошатнулся. Позади стоял Дариан, сжимая посох обеими руками.

— Тварь...

И он рванул в бой. Дариан держал Бескостного на расстоянии, осыпая его ударами посоха и заклинаниями. Но Бескостный ожидал подходящего момента. И нашёл его. Рывок — и его пальцы вцепились в посох Дариана. Он держал его железной хваткой. Дариан пытался вырваться. Бесполезно. Бескостный переломил посох, оставив в руке осколок, и вонзил его в грудь Дариана. Но осколок застрял в броне. Бескостный давил. Враг отступал назад и уперся в стену, как загнанный зверь. В последней попытке он выпустил молнии прямо в лицо Бескостного. Кожа зашипела, обуглилась, выпал глаз. Но Бескостный даже не моргнул. Он вновь занёс кулак и ударил по посоху. Удар. Он пробил броню. Удар. Сломана грудная клетка. Удар. Осколок посоха вонзился в стену, пронзив Дариана насквозь. Он повис на нём. Лицо Бескостного было изуродовано. Оголённые мышцы, обугленная плоть, зияющая дыра вместо глаза. Но уже через секунду он начал регенерировать. В тёмном, залепанном кровью коридоре появился Рэн. На нём были следы боя — обожжённый рукав, кровь на щеке, но он всё ещё держался прямо, с холодной решимостью в глазах. Бескостный стоял посреди коридора, под ногами — растерзанные тела. Его неподвижность была обманчива: он дышал неглубоко, почти незаметно, как зверь, который только что насытился.

— Ты уже закончил, — сказал Рэн, взглядом пробегая по мёртвым. — Тогда разберись с теми, кто остался. Собери их головы.

Он кивнул на мешки, что валялись в углу.

— Я найду девчонку.

Рэн развернулся и побежал, петляя по коридорам. В воздухе чувствовалась влага и плесень. Стены становились темнее, камень — холоднее. Он спустился по винтовой лестнице в мрачный сырой подвал, где пахло гнилью. Он воспользовался способностью «Ночное зрение». Сначала шёл медленно, проверяя каждую дверь. Некоторые были распахнуты, другие — крепко заперты. Он вышибал их ногой или взламывал кинжалом, заглядывая внутрь. Пусто. Пауки, старые цепи, пролитая кровь. И вот — дверь, за которой было нечто иное. Он толкнул её, и она с жалобным скрипом открылась. Внутри — она. Голая, бледная, с телом, покрытым ссадинами, как если бы её таскали по камню. Губы — потрескавшиеся, на лице — тёмные круги, дыхание едва слышно. Её волосы прилипли к лицу и плечам, кожа казалась прозрачной. Рэн замер на мгновение. Его обычно непроницаемое лицо дрогнуло. Он опустился на колени и коснулся шеи девушки, проверяя пульс. Затем — ухом к её губам. Жива. Он достал флакон с исцеляющим зельем, разжал ей рот, аккуратно влил жидкость внутрь. Она едва заметно закашлялась, но глотнула. Через несколько секунд синяки начали бледнеть, дыхание стало глубже. На щеках появился слабый румянец.

— Жива... — выдохнул он.

Он снял с себя тяжёлый, пропитанный потом и пеплом плащ и накрыл её, аккуратно поднял на руки. Девушка застонала, её веки дрогнули, но не открылись. Он прижал её к себе крепче.

— Всё. Всё, я тебя вытащу.

С девушкой в руках он пошёл назад, прочь из подвала, туда, где воздух чище, а стены не давят на грудь. На улице было темно, только отблески костров освещали дорогу. У самого входа стоял Бескостный — мрачный, как скала, с тремя тяжёлыми мешками у ног. Рэн шагнул к нему, и они уже собирались уходить, когда лес разорвал глухой, размеренный топот. Тяжёлые удары сотрясали землю, будто сама чаща пришла в движение. Из мрака, между деревьями, медленно вышел орк.

Трёхметровая громадина шаг за шагом приближалась к ним. Каждый его шаг тяжело отдавался под ногами, словно сама земля прогибалась под чудовищным весом. На нём была тяжёлая броня, грубо сбита из металлических пластин, потемневших от копоти. На плечах — мех чёрного волка, грязный и всклокоченный, с обгорелыми краями. Кольчуга под доспехами местами расползлась. Лицо покрывала шершавая, грубая кожа, исполосованная глубокими шрамами. Перекошенный рот обнажал длинные клыки, торчавшие наружу. Его жёлтые, как у волка, глаза горели диким, первобытным светом. В одной руке — булава длиной почти в рост человека. Рукоять обмотана цепью и кожей, а навершие — изогнутая железная голова с шипами, похожая на древний, звериный череп. От каждого движения орка исходил тяжёлый, мерзкий лязг металла, будто он тащил за собой кузню. Бескостный сделал жест рукой, мол: я его пропустил, я разберусь. Рэн фыркнул, чуть качнув головой:

— Да я и не собирался, — сказал он, поправляя девушку в руках.

Бескостный вышел вперёд, прямо на орка. И когда они оказались друг напротив друга, разница в размерах стала очевидной. Один — тёмная гора мышц и брони, другой — сухой, как верба, изуродованный, весь в шрамах, но с дьявольским огнём в пустых глазницах. Они выглядели как тростинка рядом с валуном. Верзила выдавил из себя лишь, хриплый смешок. Орк прищурился, посмотрел на Бескостного и что-то произнёс на своём — гортанное, рвущие уши звучание, больше похожее на рык, чем на слова. Он явно усмехался — с презрением, как на мелкого зверька, который осмелился встать перед бурей. Бескостный молча скинул четыре ремня — они упали на землю с глухим щелчком металла о мокрую траву. Его тело слегка повело в сторону, будто он на секунду потерял равновесие, но тут же выпрямился, как пружина. И внезапно метнулся вперёд. Первый удар — хлёсткий, тяжёлый, с хрустом вонзился в броню орка. Та зазвенела, как колокол в разгар тревоги. Орк шагнул назад, и в ответ, ударил кулаком. Удар был настолько мощным, что голова Бескостного чуть не отлетела — развернулась под

неестественным углом, почти вывернувшись. Но через миг она встала на место с глухим хрустом. Бескостный не ответил. Только вновь шагнул вперёд — удары сыпались один за другим. В каждом было что-то механическое, нечеловеческое: точность, вес, бесстрашие. Орк ревел, но его боевой азарт начал тускнеть — удары не приносили результата. А вот атаки Бескостного с каждым разом пробивали броню всё глубже. Металл гнулся, сминаясь в уродливые вмятины, как бумага в детских руках. Орк взвизгнул от ярости. Отшатнулся. Его дыхание сбилось, пар клубами вырывался из пасти. Он взмахнул булавой, пытаясь снести голову соперника, но Бескостный взвился в воздух и отбил оружие ногой, словно это была палка, а не орудие разрушения. Орк отступил на шаг и воспользовался заклинанием — «Крик страха». Рёв, пробирающий до костей, наполнил лес, деревья задрожали, птицы с криками вспорхнули из крон. Этот рёв ломал волю, заставлял сердце сбиваться с ритма, мочевой пузырь — предательски дрожать. Но Бескостный не шелохнулся. Он даже не моргнул. Глаза орка прищурились, ярость в них уступила место опаске. Он отступил ещё на шаг, поднял руку и вызвал заклинание — «Ледяно копьё». Из воздуха рядом с ним вырвалась гигантская сосулька, почти в два метра длиной, и со свистом рванула к Бескостному. Тот вынес вперёд руку и, не сбавляя шага, сломал копьё на лету, как щепку, разбросав ледяные обломки по траве. Но это был отвлекающий манёвр — орк тут же врезал булавой с разворота. Удар был чудовищный, с треском костей, и на этот раз Бескостный отлетел назад, оставляя в воздухе кровавый след.

Не бойся, с ним всё будет хорошо. Хочешь, расскажу тебе про Бескостного? Даже если не хочешь — всё равно расскажу. Потому что ты, как и все, смотришь на него с вопросом: «Кто он?» А я знаю. Он мутант. Результат скрещивания двух рас, тут таких ненавидят. Он не должен был рождаться. И уж точно не должен был жить. Отец от него отказался сразу. Мать? Ха. мать продала его. Не в рабство — это было бы милосердно. Его купили как подопытного куска мяса. Братству магов. Из тех, кто за гранью морали, совести. Они хотели запихнуть в него активные заклинания, способности. И что-то у них получилось. Теперь ему не нужна мана — он просто берёт её из воздуха, поглощает всё, вокруг. Но есть цена. Он сгорает изнутри. Его магия ломает его самого. И единственное, что удерживает эту мясорубку от взрыва — ремни. Да, те самые. Вон они, обмотаны вокруг тела. Сдерживающие печати. Без них он не просто псих — он стихийное бедствие. А ещё он немного... извращённый. Не в том смысле, о котором сразу думают. Просто жизнь с самого детства ломала его всеми возможными способами. Вместо нормального детства — насилие, унижения и люди, которые называли это воспитанием. Такое не проходит бесследно. Так что да. Он ебанутый. Но по-своему нормальный. Главное — не злить его. Не смотреть на него свысока. И никогда не трогать маску.

Бескостный врезался в ствол дерева, толстого, векового, и с глухим звуком расколол его пополам. Щепки, кора, пыль — всё взвилось в воздух. Он рухнул на колени, но не упал. Его руки дрожали, но не от боли — от накапливающейся ярости. Грудь вздымалась, из рассечённого плеча хлестала кровь... но мышцы уже начинали затягиваться. Мясо стягивалось, кожа покрывалась новой тканью, как будто время для него шло иначе. Булава вновь пошла в ход. Раз, два, три — каждый удар был смертоносным, и любой бы погиб. Но Бескостный уклонялся, двигался змеей, изгибался, пропуская удары в воздухе. Там, где должен быть страх, у него была пустота. Бескостный наслаждался каждым мгновением этого ада.

— Ты не человек... — крикнул орк с акцентом.

Бескостный метнулся вперёд, удар — в солнечное сплетение, другой — в бедро, а третий ломовым хуком в висок. Орка шатнуло, он сделал шаг назад, мотая головой. Но это было всё, чего ждал Бескостный. Он прыгнул, взлетев выше головы орка, и ударом колена влетел ему в череп, как молот. Орк рухнул на спину, тяжело дыша, Бескостный уже был рядом. Он обогнул тушу, ударом ступни врезал по шее. Хлёстко, с хрустом. Второй удар последовал мгновенно, звук стал глубже — словно что-то начало ломаться внутри. Третий — по тому же месту.

Орк начал хрипеть. Четвёртый. Шея стала изгибаться под ударами, как сгибающийся ствол дерева. Пятый. Брызги крови ударили в воздух. Шестой. Орк дёрнулся, будто под током, но не поднялся. С каждым ударом Бескостный становился всё яростней. Он бил, как безумный, будто что-то внутри сорвалось с цепи. Из-под маски вырывался глухой, скрипящий стон. Потом — вой. Низкий, пробирающий до дрожи. Как у загнанного, смертельно раненого зверя. Пена начала сочиться из-за щелей маски. Он продолжал бить. Орк уже не шевелился, но это не имело значения. Удары продолжались — пока шея не превратилась в месиво, пока не проломился позвоночник, и голова не покатила в сторону, как разбитый шлем. Бескостный застыл, смотря в одну точку.

Рэн, не говоря ни слова, положил девушку на землю, подошёл, подобрал ремни. Он аккуратно развернул Бескостного к себе, защёлкнул пряжки, похлопал его по лысине.

— Ты молодец. Пойдём.

Бескостный молча наклонился, поднял оторванную голову орка, кинул её в мешок к остальным, подхватил свою поклажу и пошёл вперёд, будто ничего не случилось. Рэн поднял девушку и пошёл за ним. Они добрались до телеги и направились в город. Лошади шли по размякшей дороге, колёса громко скрипели, но никто из них не проронил ни слова. Бескостный сидел молча, уставившись в темноту, а Рэн лишь сильнее прижимал к себе девушку, завернутую в плащ. Она не двигалась — только дышала, слабо, неровно. На въезде их встретила стража. Осмотрели телегу, нахмурились.

— Кто вы такие и что везёте?

Рэн спокойно вытащил документы и протянул их капитану караула. Тот пробежался взглядом, собирался уже что-то сказать, но тут его лицо изменилось.

— Ты привёз... — он осёкся, снова глянул на девушку и заметно побледнел. — Это правда?

Остальные стражники насторожились. Один уже собирался бежать к замку, но Рэн остановил его, заговорив негромко, но так, что никто не посмел послушаться:

— Без доклада. Герцог Карст хочет, чтобы это осталось в секрете.

Мужчина замешкался, переглянулся с другими, но кивнул и махнул рукой, пропуская их в город. Таверна встретила их тусклым светом свечей. Рэн зашел в комнату и, когда дверь за ними закрылась, наконец-то выдохнул. Бескостный даже не стал снимать сапоги. Завалился на кровать и моментально уснул, разметавшись, как выброшенный на берег труп. Из-под маски доносилось тихое сиплое дыхание. Рэн снял с девушки плащ. Аккуратно, медленно. Она была грязной, волосы слиплись. Он видел, что она ещё в полудрёме, почти не реагирует, но это даже лучше. Он набрал воды, намочил тряпку и начал осторожно смывать с неё грязь. Бережно, как если бы она была фарфоровой куклой, которую могли сломать даже его пальцы. Вода темнела, стекая в таз, а он продолжал. Когда закончил, завернул её в чистую ткань, поднялся и достал из дорожного мешка платье. Роскошное, явно из герцогского дома, с золотой вышивкой и мягкими складками. Оно не подходило ей, сейчас, такой хрупкой, истощённой. Но это было лучше, чем ничего. Когда он осторожно натянул на неё платье, девушка зашевелилась. Её веки дрогнули, и она, наконец, открыла глаза. Большие, тёмные, испуганные. Она ничего не говорила. Просто смотрела. Рэн сел перед ней на кровать, выдержал паузу и сказал негромко:

— Леди Элизабет, всё хорошо. Вы спасены.

Губы девушки дрогнули. Слеза скатилась по её щеке. Она не ответила, только снова закрыла глаза. Рэн молча накрыл её покрывалом, подошёл к креслу у окна, сел и, наконец, позволил себе расслабиться. Сон накрыл его быстро. Утро было серым. Сквозь щели ставен просачивался блеклый свет, от которого в комнате становилось только холоднее. Рэн проснулся от того, что кто-то тронул его за плечо. Бескостный. Тот молча указал на дверь, давая понять — пора. Рэн потёр глаза, проморгался и бросил взгляд на кровать. Элизабет лежала тихо, умиротворённо, почти как мёртвая — руки сложены на груди, губы не двигаются. Только лёгкое

движение под тонкой тканью платья выдавало дыхание. Он подошёл ближе, наклонился, прислушался. Жива. Просто спит. И в этом сне, похоже, ей не снились кошмары. Он потянулся, разминая затёкшие плечи, и махнул Бескостному. Пора. Они вышли. Телега стояла во дворе, под навесом. Лошади были уже впряжены. Бескостный, как всегда, просто сел. Рэн запрыгнул рядом, хлопнул поводьями — и они тронулись. У ворот стояла сторожевая будка. Тусклый факел чадил на утреннем ветру. У приёмного окна скучали двое в доспехах, жевали что-то вяло.

— Привет, — сказал Рэн, опираясь локтем о край стойки. — Мы авантюристы. Принесли головы. За наградой.

— А кого принесли? — нехотя буркнул один из стражников, не отрывая взгляда от грязного кубка с каким-то пойлом.

К окну подошёл Бескостный, неся перед собой три тяжёлых мешка, перевязанных бечёвкой. Скинул их к ногам.

— Синдикат «Прах». Гарек Стервятник. И его поделники.

Один из стражников хмыкнул. Второй обернулся — и, увидев, как Бескостный вываливает содержимое мешков, чуть не отшатнулся. Вонь, кровь, закатившиеся глаза.

— Вы что, мне пиздите?.. — выдохнул он. — Хочешь сказать, вы одни завалили «Прах»?

— Мы были на задании, — Рэн без особой спешки достал и протянул документы.

Стражник начал читать, сначала с недоверием, потом — всё внимательнее. Другой уже доставал листовки с розысками и сравнивал. Когда находил совпадение, засовывал бумагу в окровавленный рот головы и кидал её в деревянную корзину с надписью «Опознаны».

— Сразу бы так и сказали, — буркнул наконец первый, вернув документы. — Сейчас посчитаем награду за опознанных. Остальные — по минималке. Листовки разошлём, если подтвердят — переведём доплату в гильдию.

Рэн кивнул. Было видно, что ему не впервой.

— Это ещё не всё.

Бескостный, не говоря ни слова, кинул к ногам стражи ещё одну голову. Та упала с глухим шлепком и покатилась, оставляя за собой дорожку крови. На лице — орочья злоба, застывшая в последнем мгновении.

— Орк. Без документов. Нелегал, — пояснил Рэн.

— Ебать... — выругался стражник. — А он тут что забыл вообще?..

— Не моя забота. Мне за это не платят. Это уже ваша работа.

— Не выёбывайся, авантюрист, — фыркнул стражник, хоть и без агрессии. Скорее — по привычке.

— Даже не думал, — усмехнулся Рэн.

Через пару минут им вынесли мешочек. Тяжёлый. Приятный на слух. Монеты звякали внутри, как музыка. Он даже взвесил его в ладони с лёгкой ухмылкой. Всё как он любит. Они вернулись в таверну. Рэн толкнул дверь в номер и вошёл первым — и в тот же миг застыл. Тело. Элизабет. Она висела. Верёвка, перекинута через балку, была врезана в её шею. Бледная кожа, свесившиеся руки, ступни чуть касаются пола. Платье, роскошное и чистое, теперь казалось траурным.

— Блядь! — вскрикнул Рэн, бросаясь вперёд. — Бескостный! Верёвку!

Бескостный молча выдернул кинжал у него из пояса и с хрустом перерезал верёвку. Рэн подхватил девушку, аккуратно опуская её на пол. Она была ещё тёплая. Но дыхания не было. Ни вдоха, ни слабого движения груди.

— Нет, нет, чёрт, сука, НЕТ! — выдохнул Рэн, трясущимися руками перекладывая её на пол. Голова безвольно откинулась, шея багровела под сдавливающим следом верёвки. Он встал на колени и сжал её лицо в ладонях.

— Ты не смей. Ты не смей, поняла?!

Он сорвал с себя перчатки и сунул два пальца ей в рот, вытащил язык, чтобы не запал. Дыхание — нет. Пульс — слабый, но есть. Он услышал его, где-то на грани. Едва уловимый, как шёпот. Рэн сжал кулаки, ударил ей по груди один раз. Второй.

— Дыши, сука. ДЫШИ!

И вдруг — судорожный вдох. Хриплый, рваный. Её тело дёрнулось. Веки дрогнули. Из рта хлынула пена, воздух со свистом вырвался наружу. Она захрипела.

— Вот так. Вот, блядь, так... — пробормотал Рэн, сжав её руку.

Он перевернул её набок, чтобы не захлебнулась, прижал ухо к груди — сердце било, часто и с переборами, но жило. Он уже весь был в поту, руки дрожали. На лбу — липкий холод. Бескостный стоял позади, молча, как тень. Лицо пустое, маска привычная. Он не вмешивался, не мешал. Только наблюдал. Элизабет слабо открыла глаза. Медленно, будто сквозь вязкую воду. Зрачки бегали по комнате, пока не нашли его. Она захрипела, не в силах сказать ни слова.

— Всё хорошо, — сказал Рэн, и голос его был ласковым, почти чужим.

Элизабет приходила в себя медленно, будто возвращалась с глубины морского дна, где всё глуше, темнее, тише. Веки дрогнули. Зрачки сузились, затем расширились, цепляясь за размытые очертания комнаты. Когда взгляд сфокусировался на Рэне, она резко отпрянула, как зверёк, которого прижали в угол. С глухим стоном отползла, прижалась спиной к стене, сжалась вся — поджала ноги, обняла их руками, будто пряталась за этим хрупким панцирем. Губы тряслись, дыхание — рваное. Но она молчала. Смотрела на него исподлобья, настороженно. Недоверие в глазах, будто он всё ещё мог оказаться частью кошмара. Рэн ничего не сказал, просто достал флакон с исцеляющим зельем, после чего небрежно кинул его к ней. Стекло звякнуло о пол, прокатилось до её босых ног.

— Пей, — сказал он резко, почти с раздражением.

Девушка не шевелилась. Только взгляд — будто нож по горлу. Не просительный, не благодарный. Злобный. Сломанный. Рэн выдохнул и встал, шагнул ближе.

— Если не выпьешь — залью силой, — произнёс он с нажимом. В голосе не было ни угрозы, ни сочувствия. Один только холодный факт.

Элизабет дрожащими руками взяла флакон, медленно отвинтила крышку и, морщась, начала пить. Горькая, вязущая жижа текла по горлу, резала изнутри.

— Пей-пей, — усмехнулся Рэн, откинувшись в кресле. — Они, дорогие.

Она допила, отбросила флакон. Пальцы всё ещё дрожали. Склонилась, обняв себя за плечи, и уставилась в пол. Рэн смотрел на неё с минуту, потом развернулся к двери.

— Бескостный! Готовь лошадей. Сегодня едем в Ронгстрок.

Лицо Элизабет мгновенно изменилось. Всё её тело сжалось. Она даже не пыталась что-то сказать. Только смотрела. Глубоко, больно, в самое нутро. Бескостный вошёл, не говоря ни слова, хлопнул Рэна по плечу, показывая жестами, что всё готово. Потом подошёл к девушке. Склонился, протянул ей руку. Она долго смотрела на неё, будто решала — взять или укусить. В конце концов — взяла. Неохотно. Он помог ей подняться. Она держалась на ногах, как марионетка, собранная наспех. Они вышли из комнаты. Тяжёлые шаги, скрип половиц, уличная пыль. Телега ждала у ворот. Лошади били копытами, подрагивая. Они сели, медленно выехали за ворота Корнара.

Тем временем, в замке герцога Лотара. Каменные своды, бархатные портьеры, лампы, источающие сладковатый аромат масел. В кабинете — герцог и командир стражи. Стол уставлен бумагами, рядом кубок с вином, давно остывшим.

— Леди Элизабет спасли. И «Прах» уничтожен, — сказал страж, не скрывая тревоги.

Герцог долго молчал. Потом, с усталой решимостью, кивнул:

— Понял тебя, сэр Гасло. Свободен.

Когда рыцарь ушёл, к нему тут же подошёл молодой человек, в дорогом камзоле, с гладко зачёсанными волосами и лицом, будто выточенным из мрамора. Губы чуть тронула снисходительная усмешка.

— Передайте герцогу Карсту, — произнёс Лотар, — что мы рады спасению его дочери. И не имеем ни малейшего отношения к похищению. Преступники скрывались на наших землях без нашего ведома. Сожалею. Подберите пару достойных презентов — пусть думает, что мы тут лопаемся от раскаяния. Всё, иди.

Когда слуга вышел, герцог остался один. Закрыв ставни, достал чёрную свечу из ящика, зажгёт. В пламени появилась трещина, раздвинулась. Воздух затрещал — открылся портал. Из него вышел высокий человек — его фигура будто вырезана из тени: худощавый, но не измождённый, он держался с безупречной выправкой, словно никогда не позволял себе расслабиться даже на вдохе. Лицо вытянутое, аристократичное, с высокими скулами и тонкими губами, будто высеченное скальпелем из камня. Глаза светлые, почти прозрачные, и от этого казались чужими — как у существа, которое видит мир не так, как остальные. Длинные платиновые волосы струились по плечам, ровные и гладкие, будто только что расчесанные до зеркального блеска. Одежда — вся чёрная, строгая: длинный сюртук, узкие штаны, лакированные туфли без единой пылинки. В правой руке — тонкая трость с серебряным набалдашником в виде черепа ворона. А на руках — белоснежные перчатки. Он не шагнул — скользил, словно по гладкому льду. В его движениях не было ни спешки, ни лени — только безупречная точность и полное равнодушие ко всему вокруг.

— Сэр Коннолли... Вы пришли, — пробормотал герцог, не поднимая глаз.

— Вы так удивлены, — отозвался тот мягко, голосом, будто пел.

— Я просто... не знал, как вы отнесётесь к провалу. Девчонку спасли.

Коннолли подошёл к свече, снял перчатку, щёлкнул пальцами — пламя исчезло. Над свечой повис дым, как чёрный язык.

— Не переживайте, герцог. Я не виню вас. Это моя ошибка. Я переоценил «Прах». Или недооценил...

Он замолчал. Взгляд стал пустым, как ночь.

— В любом случае, — он надел перчатку, — я не собираюсь прекращать с вами сотрудничество.

Телега катилась медленно, будто сама чувствовала усталость своих пассажиров. Колёса глухо постукивали по камням дороги, пыль медленно поднималась в воздух и оседала на лицах. Бескостный, молчаливый, как статуя, сидел на облучке, небрежно придерживая поводья. Его лицо, лишённое всякой мимики, казалось вытесанным из сухого дерева. Глаза были прикрыты, челюсти едва заметно шевелились — будто он разговаривал с солнцем, что скользило по его бледной коже ленивым светом. Рэн лежал на полу телеги, раскинувшись, словно в таверне, где налили и накормили. Под затылком мешок. Он не сводил взгляда с Элизабет. Та сидела в углу, прижавшись спиной к борту, будто хотела вжаться в дерево, исчезнуть. Она выглядела здоровой — кожа обрела цвет, глаза уже не блуждали в пустоте. Но всё это было обманкой. Она была пуста. Разбита. Раздавлена. Как дорогая ваза, склеенная заботливо, но так, что всё равно видно каждую трещину.

— Убей меня, — вдруг прошептала она.

Слова упали в тишину, как камень в колодец. Рэн моргнул. На лице у него промелькнуло искреннее удивление.

— С чего ты решила, что я это сделаю? — спросил он, приподнимаясь на локтях

— Ты же наёмник, — тихо сказала она, не глядя на него.

— И что? Мы, по-твоему, все на одно лицо? — усмехнулся. — Тем более, за мёртвую тебя мне меньше заплатят. И я не наемник, я авантюрист.

— А говоришь — не как все, — бросила Элизабет и отвернулась.

Рэн на мгновение сжал губы. Легко улыбнулся — но уже без веселья.

— Твоя правда, — кивнул он, глядя в сторону.

— Если дело в деньгах, я заплачу. Только убей меня.

Слова были сказаны так, будто она просила не больше, чем подать воды. Просто. Тихо. Словно это единственное, что она могла себе позволить. Рэн поднялся, сел, положив руки на колени. Его лицо стало серьёзным.

— Я не люблю убивать красивых девушек.

— Я красивая? — спросила она с горькой усмешкой, не поднимая глаз.

Он не ответил. Только посмотрел на неё долго и тяжело.

— Если ты не хочешь меня убивать, не мешай. Я сама это сделаю. — голос у неё задрожал, но она говорила до конца. — Я не смогу дальше жить. Я помню, как они... — она зажмурилась, — смеялись, пили... трахали меня, как животное. Я тогда умерла. Просто ещё не догнала это телом. Если я приеду домой, будет уже поздно. Семья не переживёт. Братья, сёстры — они заслуживают лучшего. Если все узнают, что я повесилась, это позор. Но если скажешь, что они убили меня — никто не спросит. Все поверят. Я умоляю тебя. — она подошла ближе, встала на колени перед Рэном и взяла его за руку. — Сделай это. Пожалуйста.

Рэн смотрел на неё. Молча. Без гнева, без жалости. Просто смотрел. Впереди Бескостный, казалось, не слышал ни слова. Он сидел, закрыв глаза, подставляя лицо солнцу, как ящерица на камне. Рэн вскинул глаза к небу. Облака плыли медленно.

— Смерть — это слишком просто. — Рэн говорил ровно, без нажима, будто произносил истину, к которой пришёл давно. — Мы должны страдать. Так устроено. Со временем станет легче... может быть. А потом, в один из дней, ты всё равно умрёшь — прожив свою жалкую, искалеченную жизнь. Он посмотрел в сторону, на дрожащие силуэты холмов в мареве пыли, будто искал в них ответ.

— Но смерть — это не всегда конец. — Голос его стал тише, почти шёпотом. — Ты сейчас сломана. И это не исправить. Ни тебе, ни мне. Ни даже богам.

Элизабет посмотрела ему в глаза. В них была не мольба, не обида — только тоска. Глубокая, как колодец, в котором утонули мечты. Потом она медленно отстранилась. Вернулась в угол телеги. Села. Обняла себя. И замолчала.

Они въехали в Ронгстрок под вечер, когда улицы уже начали укутываться в тени. Каменные дома с высокими крышами казались будто бы придавленными серым небом. У въезда во дворец герцога Карста их уже ждали. Как только телега остановилась, слуги без слов подхватили Элизабет и увели вглубь мраморных коридоров, словно ничего особенного не произошло. Бескостный остался снаружи, развалившись на лавке рядом с конюхами, его взгляд был пустым, усталым. Он глядел куда-то сквозь землю. Рэна провели в покои герцога — просторный кабинет с высокими окнами, дубовыми панелями на стенах и запахом старого вина и дорогих книг. На столе — бутылка с янтарной жидкостью и два резных стакана.

— Вы смогли спасти мою дочь. Я вам благодарен, — сказал Карст, не вставая. Его голос был сухим, как лист, забытый между страниц.

Он налил по стакану. Протянул один Рэну. Тот отпил. Виски оказался терпким, с дымком, будто кто-то поджёт дубовую бочку и залил в неё солнечный свет. По вкусу было как на Земле. Или, может, даже лучше.

— А теперь насчёт награды... — начал герцог, но Рэн перебил его:

— Я не успел.

Карст замер, потом хмыкнул и откинулся на спинку кресла.

— Значит, только половина. Вот же ублюдки. Клялись, что не тронут. Куда катится этот сраный мир...

Он сделал глоток, прикрыв глаза.

— Придётся выдать её за одного престарелого лорда из соседнего государства. Возраст у него почтенный, зато вместе с браком мы получим выгодный торговый договор и крепкий союз.

Рэн ничего не сказал. Он молча подошёл к окну. Снаружи уже начинало темнеть. В саду, в каменной беседке, сидела Элизабет. Прямая, как натянутая струна, с руками на коленях и лицом, отрешённым, как у куклы, которую забыли убрать со сцены. Рэн смотрел на неё долго. Что-то внутри него шевельнулось — медленно, глухо, будто кто-то ногтями провёл по внутренней стороне черепа. «Ненавижу этот блядский мир,» — подумал он. И допил виски до дна.

Задание второе убить короля скардрека

Рэн сидел в кресле, вжавшись в спинку так, будто это кресло — последний оплот комфорта. Голова запрокинута, глаза закатаны под веки. Перед ним на столе стояла наполовину пустая банка. Вязкий осадок на дне напоминал тошнотворное зелье. Из окна пробивался первый утренний свет — серо-жёлтый, пыльный. В нём было что-то безнадежное, как в похмельном взгляде на пустую бутылку. Зрачки вернулись на место. Рэн фыркнул и протёр глаза.

— Зачем он смотрит Борута... — пробормотал он, глядя в пустоту. — Хоть кому-то он вообще нравится?

Рэн закрутил крышку на банке, бросил её в угол и вышел. На улице его уже ждал Бескостный — как всегда, с пустым взглядом. Они направились в гильдию. Здание гильдии ещё не проснулось. В коридорах пахло влажным деревом, пылью и потом. Они шли по длинному коридору, освещённому масляными лампами, и звук их шагов отдавался в пустоте. Кабинет был просторным: книжные полки, сундук-сейф в углу, тяжёлый стол, заваленный бумагами. За столом сидел мужчина средних лет в очках, одетый в слишком чистую рубашку для этой клоаки, его звали Нак он был главой гильдии. Он считал монеты и не оторвал взгляд, когда те вошли.

— Привет, парни, — сказал он почти машинально. — Вам пришли деньги за головы. Оказывается, тех, кого вы грохнули, искали не только у нас, но и в соседних странах.

Он подвинул два столбика монет к краю стола. Рэн усмехнулся, подхватил один и перебрал пальцами.

— Что-то маловато, — пробормотал он. — За такую работу должны платить больше.

— Я вычел ваш ежемесячный взнос, — деловито сказал мужик, скользя пальцем по пергаменту. — Аренда, паек, услуги, мелкие расходы.

— Услуги? — Рэн прищурился.

— Твой молчаливый друг перетрахал весь бордель в Корнаре. Одну из девок чуть не разорвал, если верить их матушке.

Рэн повернулся к Бескостному. Тот опустил голову, пряча глаза.

— В смысле? — хмыкнул Рэн.

— В прямом, чуть пополам не порвал. — буркнул глав.

— Ладно, — Рэн забрал деньги

Они уже собирались уйти, когда голос за их спинами остановил:

— Подождите. Это ещё не всё.

Рэн обернулся. Мужик уже поднялся, нагнулся к нижнему ящику стола и вытащил оттуда свёрток — тяжёлый, перевязанный красной лентой, с жирной сургучной печатью, на которой отпечатан королевский герб. Он положил его на стол с видимым весом.

— У нас есть заказ. Особый. Надо убить скардрека. Знаешь, кто это?

— Огромная змея. Обычно от пяти до семи метров, — ответил Рэн, усевшись на стул.

— Правильно, но не все так просто, — покачал головой мужик. — Это не обычный скардрек. Его прозвали королём. В длину — двадцать метров. Чешуя плотная, как сталь. Сожрал больше десятка охотников.

— И почему, мы? — Рэн поднял бровь. — Полно отморозков, кому скучно жить.

— Сам король попросил, Гас Пятый. Услышал о том, как вы разобрались с «Прахом» и по рекомендации от герцога Карста. Король захотел голову монстра себе на стену.

Рэн потёр висок.

— Блядь... Ладно. Где эта тварь водится?

— Терроризирует небольшой город Крест. В королевстве Хикст.

— Подожди, Хикст? — перебил Рэн. — Это же другой материк. Мне туда год топать, если не сдохну по дороге.

— Не перебивай, — раздражённо бросил Нак. — Король отправит с вами своего рыцаря — заклинателя птиц. Он вызовет вам перевозчиков, огромных небесных правителей. На них и доберётесь. Когда прикончите скардрека, птицы отвезут тушу обратно, а вы — возвращайтесь как хотите. Верхов на лошади, вплавь, хоть на своих двоих.

Рэн скривил лицо от недовольства криво улыбнувшись:

— Великолепно. Люблю, когда обо мне заботятся. Так может, я откажусь? — Рэн встал. Вена на лбу у мужика вздулась.

— Нет. Король хочет голову змея, и это политический ход. Хикст — потенциальный союзник. Если ты справишься, там откроется отделение гильдии. Не обосри нам шанс. У тебя, Рэн, нет вариантов.

Бескостный всё это время молчал, стоя в углу как статуя. Даже не шевельнулся. Они вышли из здания, солнце било по глазам, как пощёчина. Рэн вдохнул, задержал дыхание, выдохнул и пробормотал:

— Блядь.

Вы думаете, почему я так реагирую? Потому что Королевство Валэнтар — как ни крути — стало мне домом. Не родным, нет. Но привычным. Я знаю здесь каждый шорох, понимаю, как всё устроено, знаю, куда можно ступить, а где земля под ногами взорвётся. И я знаю, какие опасности преследуют меня на каждом шагу. Валэнтар раскинулся на материке Аранс — месте, которое официально величают «благословлённым», а в тавернах шепчут «долиной жадности». Земля здесь жирная, солнце ровное, климат мягкий. Всё растёт как на дрожжах: урожаи... амбиции... ложь.

Валэнтар — будто глянцевый фасад, за которым прячется гниль. Лоск цивилизации, магические академии, ремесленные ярмарки, парады. А за углом — сделки, в которых людей меняют, как старые сапоги. Магию тут не просто уважают — её упорядочили, расписали по полкам, продают весами, меряют налогами. Валэнтарицы способны любое дерьмо превратить в артефакт и продать втридорога, лишь бы сверкало и внушало доверие.

Власть держит Король Гас Пятый — капризный павлин в золотой клетке. Ходит в тканях, которые стоят, как дом, говорит, как актёр из плохого театра: громко, с пафосом и ноль смысла. Обожают коллекционировать «трофеи»: магических зверей, редкие черепа, головы врагов... настоящих или выдуманных. Меч в руках держал только тогда, когда художник просил «для позы». Королевство держится на трёх герцогах — и каждый сжимает Валэнтар так крепко, что земля трещит по швам.

Герцог Карст — живот страны. Бескрайние поля, мельницы, зернохранилища, караваны. Без его запасов Валэнтар сдох бы голодной смертью за месяц. Герцог Монаган — кровь страны. Металл, кристаллы, алхимические ингредиенты. Всё, что блестит, светится, горит, режет или отравляет — скорее всего, добыто в его шахтах. Герцог Лотар — язык страны. Он торгует всем этим добром, заключает договоры, миры, перемирия, и если надо — подсыпает яд в кубки. Так же в его владениях бескрайние леса и запасы древесины.

До Хикста — десять тысяч километров. И это не путешествие на самолёте за три часа, не прогулка автостопом, где тебе максимум попадается странный водитель. Там — дикие земли, где кажется, что всё, что движется, хочет тебя убить: звери, люди, болезни. Болезни, от которых нет антибиотиков, врачей. Ближайший город может быть в неделе пути, и никто тебя не подвезёт, не приютит, не напоит. А мне ещё придётся пройти через два королевства. Хорошо хоть на птицах.

Пять держав делят материк. Никто особо не скрывает, что мир держится на страхе и выгоде, а не на дружбе. Каждый занимается своим, и каждому плевать на остальных, пока его часть земли остаётся под контролем.

На юге — Лес Дарн. Сплошная чаща, где даже днём темно. Дриады там живут, хотя «жить» — громкое слово. Они не строят городов, не занимаются землёй, почти не общаются с другими расами. Просто держатся своей территории и смотрят на всех, как на дураков, которые сами выбрали себе короткую жизнь. С ними лучше не связываться.

На севере — Медный Хребет. Там гномы. Горы, скалы, каменные шахты и бесконечный лязг металла. Они работают почти без остановки, и их города похожи на большие механизмы, где каждый знает свое место. Гномы не любят перемены и не вмешиваются в чужие дела, но их оружие знает весь материк — надёжнее просто нет.

На западе — это дыхание огня. Королевство Меркель, самое большое государство. Там не рожают детей — там выращивают солдат. Любой разговор с их королями — это просто способ определить расстояние, на котором удобно будет отрубить тебе голову. Они живут войной, питаются войной, спят с войной под одной крышей. Дипломатия у них — это такой ритуальный танец вокруг будущего трупа собеседника.

На востоке двое. Священная держава Хорон — государство религиозных фанатиков. У них всё решает церковь, и у церкви длинные руки. Одна ошибка, слово не туда, взгляд не тот — и ты уже в списках «очищенных». Там никто не улыбается без разрешения. И Валэнтар королевство магии, золота и интриг. И вот теперь мне надо идти через Хорон, где каждый встречный будет смотреть на меня как на еретика. Потом мимо Леса Дарн, где одно неверное слово или жест может закончиться стрелой. Вот поэтому я и не рад этому заданию.

Рэн вернулся в комнату. Тусклый свет лампы едва разгонял полумрак. На кровати лежал потрёпанный рюкзак, а по полу были разбросаны вещи. Комната была съёмной, грязной, неудобной, но за последние месяцы стала почти домом. Почти. У него вообще никогда не было настоящего дома — только временные убежища, ночлеги, комнаты с облезшими стенами. Но сейчас было ощущение, будто он оставляет что-то важное, часть себя. «Уезжать с материки... не зная, вернусь ли вообще», — подумал он и начал закидывать вещи в рюкзак. Всё по минимуму — нож, зелья, пара флаконов с ядом, кольчужная рубаха, сигары, тряпье на смену, немного еды.

Утро встретило его туманом и тяжестью в груди. Рэн шагал по пустынным улицам Ронг-строка, плотно затянув ремни рюкзака. Где-то в переулке спал нищий, пахло навозом и вчерашним жареным мясом. По пути он встретил Бескостного — тот шёл налегке, как всегда, будто просто вышел на прогулку.

— Даже еды не взял? — спросил Рэн.

Бескостный лишь пожал плечами. На заднем дворе гильдии уже собралось несколько людей. Стоял Нак — глава гильдии, и рядом несколько королевских рыцарей в тёмных доспехах.

— Пришли... Я думал, вы убежите, — сказал Нак, даже не глядя на них.

Рэн скривился.

— А куда мы денемся? — буркнул он и сплюнул на камни.

От рыцарей отделился один. Высокий, жилистый, лицо вытянутое, суровое, с узкими скулами — без намёка на благородство. Глаза серые, скучные, усталые, как у человека, который давно понял: все вокруг — расходники, включая его самого. Доспехи начищены не до блеска, а до рабочих царапин — видно, что он их не для красоты носит, а потому что приказано. Ни пафоса, ни театральности — просто солдат, который делает то, что должен, и испытывает к этому ровно ноль эмоций.

— Это вы авантюристы, которым дали задание? — его голос звучал хрипло, будто он каждое утро кашляет кровью.

— Да, — ответил Рэн.

— Вы полетите с сэром Матисом, — он показал на рыцаря, стоящего чуть позади. Тот кивнул. — Во всём слушайте его. Надеюсь, вы не будете создавать проблем. На этом я откла-

няюсь. Он развернулся и спокойно ушёл. Матис подошёл ближе. Короткие тёмные волосы, загорелое лицо, руки, покрытые мозолями. Держался настороженно, но без высокомерия.

— Матис, — представился он, протягивая руку авантюристам.

Рэн крепко пожал её. Бескостный пожал осторожно, как будто проверял — не сломается ли человек. Матис это заметил, но ничего не сказал — только чуть дёрнул бровью. Он достал из-за пояса серебряный манок — маленький, круглый, с тонкой прорезью. Свистнул в него коротко. Звук был тихим, высоким, почти неуловимым, но воздух сразу будто натянулся.

Через минуту над двором пронёсся резкий свист ветра. Сверху, пробивая туман, спикировали три огромные птицы. Они не были похожи ни на величественных орлов, ни на каких-либо благородных небесных созданий. Перед Рэном предстали настоящие хищники. Чёткие, стремительные линии тела. Узкие крылья, выгнутые назад. Мускулистые лапы с длинными загнутыми когтями. Головы покрывал чёрный окрас, словно плотный капюшон, скрывавший область вокруг глаз. Клювы — короткие, мощные, изогнутые крючком, словно созданные, чтобы ломать шеи добыче. Плотное тёмно-серое оперение отливало холодным металлическим блеском, а грудь пересекала светлая полоса. Всё в них создавало ощущение, будто этих птиц не вырастила природа, а выковал искусный мастер из живого металла. Они пахли не конюшной, как лошади, а резкой смесью сырости, ветра и крови. Настоящие охотники, способные подхватить человека когтями, унести высоко в небо и сбросить вниз.

Но больше всего внимание притягивала оснастка. На каждой птице было лётное седло — лёгкое, тонкое, подогнанное под спину хищника, будто второй слой перьев. На боках располагались крепления для поводьев и тросов. Под ступнями всадников виднелись педали — левая и правая, соединённые тросами с сигнальными зонами на теле птицы. Эти зоны представляли собой специально выделенные участки, при воздействии на которые птица выполняла заранее заданную команду. При каждом нажатии трос чуть дёргался, передавая сигнал — не мешающий, но ощутимый.

Одна из птиц наклонила голову и уставилась на Рэна. Глаза у неё были чёрные, блестящие, пустые — как у хищника, которому без разницы, человек перед ним или что-то съедобнее. Она щёлкнула клювом в паре сантиметров от его уха — резкий, сухой звук, будто нож по кости. Рэн дёрнулся назад и выкрикнул:

— Долбанная курица!

Птица распахнула крылья чуть шире, как будто тоже решила высказать своё «пошёл ты». Он перевёл взгляд и увидел Бескостного. Тот и его птица уже несколько секунд просто пялились друг на друга. Два существа примерно одинакового уровня непредсказуемости. Птица резко метнулась вперёд — Рэн уже приготовился собирать Бескостного по клочкам. Но вместо этого гигантская тварь просто ткнулась лбом ему в грудь, хрипло выдохнула и замерла. Бескостный, как будто, так и надо, поднял руку и осторожно погладил её по голове.

— Ты серьёзно? — выдохнул Рэн.

Бескостный только пожал плечами, не отрываясь от птицы, будто она была его старым другом. К ним подошёл Матис.

— Ладно, — сказал он, даже не пытаясь скрыть усталость. — Раз вы уже нашли общий язык... хоть кто-то из вас. Сейчас быстро объясню, как управлять этими тварями.

Он постучал ладонью по седлу по спине ближайшей птицы. Матис заговорил так, словно читает инструкцию к смертельно опасному устройству:

— Значит так. Управление простое, если не выпендриваться. Седло лётное, держится крепко. Педали под ногами, поводья — на шлейке. Поворот влево — дёргаешь левый повод. Поворот вправо — правый. Взлёт — оба поводья коротко дёрнуть. Посадка — обе педали вниз. Подъём, снижение, ускорение — всё интуитивно. Удар пятками — ускорение. Натяжение назад — торможение.

Он посмотрел на Рэна с выражением человека, который заранее знает, что тот обязательно сделает что-нибудь тупое.

— Но. — Матис поднял палец. — Мы не делаем сложных манёвров. Летаем ровно. Взлёт — посадка — и по прямой. Я веду, вы за мной. Всё остальное птицы сделают сами. И если кто-то из вас свалится — я не разворачиваюсь. Поняли?

Птицы за его спиной хрипло встряхнули крыльями. Эти вибрации чувствовались даже в земле под ногами.

— Мы будем лететь в среднем десять часов, — начал Матис. Голос у него был сухой, будто он брифинги читает чаще, чем дышит. — Первая остановка — столица Хорона. Потом уходим в Лес Дарн. Следующая точка — необитаемый остров Мерк, между материками Аранс и Пиреном. Это будет самый сложный участок пути, так что держитесь. После острова — сразу в Хикст. Вопросы?

Он смотрел так, словно заранее надеялся, что вопросов не будет. Парни просто кивнули. Матис легко, одним движением, забрался в седло своей птицы. Она прыгнула, распахнула крылья, и они взлетели так быстро, будто их ветром вырвало вверх. За ним — Бескостный. У того получалось чуть хуже: сперва его мотнуло вбок, потом птица резко рванула вверх, и секунду казалось, что она пытается его скинуть. Но каким-то чудом они нашли баланс и набрали высоту. Настала очередь Рэна.

Он положил руку на кожаный ремень, ступил в стремя — и сразу понял, что эта птица не хочет, чтобы на неё садились. Она дернулась, будто пытаясь стряхнуть муху. Рэн чуть не грохнулся, выровнялся, попробовал снова. Нога соскальзывала, седло плясало под ним, птица раздражённо щёлкала клювом.

— Да что ты такая нервная... — выдохнул он, вцепившись в повод.

На третьей попытке ему всё же удалось забраться в седло. Не уверенно — скорее, он просто вцепился намертво, как утопающий за доску. Птица, похоже, решила, что сопротивление не стоит усилий, рванула вперёд и почти сразу взлетела. Живот у Рэна ушёл куда-то в грудину, мир качнулся, воздух ударил в лицо. Его мотало так, будто это не птица, а бешеная волна на море, и он пытался удержаться на самом скользком месте.

Матис и Бескостный уже кружили выше, ожидая его. Бескостный держался уверенно и спокойно. Когда Рэн наконец подлетел на нужную высоту, Матис тяжело выдохнул и покачал головой. И вот они выстроились в линию. Матис впереди. Бескостный — чуть сбоку. Рэн — чуть позади, пытаясь не вылететь из седла. Птицы разом взмахнули крыльями — мощно, синхронно — и рванули в даль, в холодный воздух, над которым тянулись бледные полосы облаков.

Полет до Хорона оказался не увлекательным путешествием над небесами, а долгой, изматывающей пыткой, ради которой Рэн бы с удовольствием прибил того, кто придумал ездить верхом на гигантских птицах. Сначала его птица решила, что он лишний. Едва они набрали высоту, как она резко качнулась вбок, словно её ударил порыв ветра — только ветра не было. Рэна швыряла из стороны в сторону. В глазах потемнело, сердце ухнуло в пятки.

— Сука пернатая, — процедил он сквозь зубы, вцепившись в повод.

Птица громко фыркнула, словно понимала каждое слово. Минут через двадцать начался настоящий ветер. Сильный, рваный, с ледяными иглами, которые били по лицу. Дышать стало трудно. Воздух был как нож — холодный, острый, режущий щеки. Матис впереди не оборачивался. Он сидел в седле как влитой, будто родился в небе. Бескостного швыряло поменьше — его птица слушалась лучше. А вот Рэна мотало, как тряпку на колышке. Каждый порыв ветра подбрасывал его вверх, и ремни больно впивались в бёдра. Руки он почти перестал чувствовать — пальцы онемели, хотя он пытался шевелить ими, чтобы не потерять хватку.

Потом пошёл холод. Не тот, что просто мороз. Нет — тот, который лезет под одежду, под кожу, будто пытается добраться до костей. Колючий, мерзкий. Рэн уже не чувствовал кончиков ушей и начал подозревать, что пальцы на ногах он потерял где-то на пятом часу полёта. Птица

время от времени пыталась выйти на более выгодный поток, и каждый раз делала это резко, без предупреждения, отчего у Рэна подкашивало дыхание. Несколько раз его рвануло вперёд и вниз так, что он вжимал голову в перья, чтобы не сломать шею. Но хуже всего было то, что у птицы оказался мерзкий характер. Каждые полчаса она демонстративно щёлкала клювом рядом с его ногой, будто проверяя — а не ослабил ли он хватку? Не пора ли его сбросить? Один раз даже прижала крыло так резко, что он едва не соскользнул.

— Ещё раз так сделаешь — я тебя потом пожарю, — пробормотал он, хотя понимал, что она не слышит. Или слышит, но ей плевать.

Часов через восемь у Рэна начала кружиться голова. Небо и земля сливались в размазанную серую полосу. Он был уверен, что вот-вот блеванёт — и крепко надеялся, что ветер не швырнёт эту блевотину ему же в лицо. Матис наконец поднял руку — знак, что они приближаются. Снизу уже тянуло дымом, запахом благовоний и каменной пыли — воздух Хорона. Мрачного, набожного, всегда напряжённого королевства. Рэн едва не завыл от облегчения.

Они приземлились на окраине столицы Хорона, прямо у длинных каменных конюшен, пахнувших сеном, навозом и чем-то едко-святым — здесь даже воздух будто был под присмотром церкви. Земля под ногами дрожала, когда птицы складывали крылья. Рэн, едва коснувшись грунта, попытался прыгнуть, но ноги под ним предательски подломились. Он ухватился за ремень седла, чтобы не грохнуться лицом в пыль. Ноги полностью затекли, жопа превратилась в камень, а спина казалась чужой. Он сделал шаг. Второй. На третьем понял, что стоять — уже достижение. Остальные тоже выглядели вымотанными, но держались куда лучше него. Матис сошёл с птицы так, будто всего пару часов покатался по парку — только уголки губ дрогнули, выдавая усталость. Бескостный вообще прыгнул легко, мягко, как будто летел не десять часов, а десять минут.

Навстречу им уже шла небольшая делегация: двое в белых плащах с золотыми нашивками церкви и один в красном — вероятно, местный надзиратель за гостями. Лица у всех были строгие, холодные, будто они уже заранее чем-то недовольны. Впрочем, Хорон и в лучшие дни был не местом, а диагнозом. Рэн потёр онемевшее бедро, когда Бескостный подошёл ближе и жестами показал: я остаюсь здесь. Рэн нахмурился.

— Ты уверен? — спросил он вслух, чуть приглушённым голосом, потому что делегация смотрела так, будто любое лишнее слово — грех.

Бескостный ничего не ответил. Его лицо, как всегда, было спокойным, почти пустым — будто кожа натянута на туман. Он прошёл мимо Рэна, будто тот больше не был частью маршрута, подошёл к птицам, что-то коротко им показал руками. Одна из них наклонила голову, будто поняла. Бескостный подобрал с земли какую-то грязную, серую тряпку — то ли покрывало, то ли кусок старой попоны — накинул её на плечи, свернулся прямо между птицами и улёгся, прислонившись спиной к их тёплым бокам. Он устроился так естественно, словно и родился под крылом пернатой твари. Рэн только пожал плечами.

Рэн ещё не успел понять, чего ему больше хочется — поспать, попить или просто сдохнуть, — но делегация уже приблизилась настолько, что пришлось изображать из себя бодрого и вежливого. Белые плащи церкви сверкали на солнце так, будто их натирали серебром каждое утро. Мужики под ними — сухие, строгие, одинаковые, как будто их всех вырастили в одном инкубаторе для зануд. Красный плащ шёл впереди, и было непонятно, что сильнее тянет его физиономию вниз — высокие полномочия или хронический запор.

— Я так понимаю, вы путники из королевства Валэнтара? — спросил тот в красном.

Интонация была такая, будто Рэн ему лично должен денег.

— Вроде того, — буркнул Рэн, делая вид, что не замечает дрожащую после посадки ногу.

Красный смерил его взглядом, затем почему-то уставился на Бескостного — тот уже провалился в сон, как мешок с костями, свернувшись между птицами, будто всегда только так и спал. Церковникам это не понравилось: брови у них дёрнулись, губы сжались.

— Хорошо, — наконец произнёс красный плащ. — Столица готова принять вас. Следуйте за нами.

Он развернулся, не удостоив их даже намёком на уважение. Церковники повернулись синхронно, как будто у них один позвоночник на троих. Рэн ещё раз глянул на Бескостного — тот даже ухом не повёл. Ну и хрен с ним. Птицы рядом тоже притихли, будто он действовал на них как валерьянка.

— Ладно, идём, — сказал Рэн.

Столица Хорона — Брилстаг — открывалась медленно, будто лениво раздвигала занавес. Они вошли в город неторопливой процессией: человек в красном — архиерей — шёл впереди, неся себя так, словно ему принадлежал каждый камень под ногами. Рэн и Матис держались чуть сзади, а замыкали их два послушника в белом — молчаливые, как статуи, с одинаково пустыми взглядами.

Рэн вертел головой. Столица оказалась не такой, какой он её представлял. Вместо убогих фанатиков и костров — трёхэтажные многоквартирные дома, ровные, аккуратные. На первых этажах — лавки: кузнецы, пахнущие железом; булочные с горячим хлебом, от которого аж живот сводит; мастерские, где на витринах стояли выточенные светильники из кости. И, конечно же, храмы — но не давящие величием, а спокойные, почти домашние.

На дворах стояли водяные колонки — железные, с ручным рычагом. Женщина среднего возраста, крепкая, с пучком волос на затылке, качала воду в медный таз, а рядом пацан вечно хихикал, ловя брызги. В домах была канализация. Рэн пригляделся к статуям вдоль улиц. Это были не те пафосные идолы, что любят лепить короли и епископы, а небольшие скульптуры — облики богов, без позолоты и мраморных вставок. Но в линиях пальцев, в складках одежды, в выражениях лиц было столько тонкости, что становилось ясно: мастера убивали на это недели, а то и месяцы. Каждый бог выглядел будто живой. Районы делились по богам — где-то преобладали оттенки лазури, где-то охры, где-то серо-зелёные тона. Цвета задавали настроение, но не давили, скорее направляли.

Люди ходили свободно: ухоженные, чистые. Разговоры — весёлые. Дети носились между домами. Одежда у горожан была аккуратная, добротная, из плотной ткани. Чуть жарковата, но Рэн видел — местные привыкли. Архиерей заметил, как Рэн жадно разглядывает улицы, и хмыкнул:

— Вы не это думали увидеть, да? — в его голосе была усталая, почти добрая ухмылка. Не издёвка, а скорее «я это слышал раз сто».

— Ну... не... — Рэн почесал щёку. — Я не знаю, что думал увидеть.

— Так все отвечают, — архиерей лишь усмехнулся краем рта и пошёл дальше.

Они шли ещё минуту, когда воздух вдруг переменялся — будто кто-то под нос сунул ведро с гнилью. Матис нахмурился, Рэн прикрыл нос. Смрад бил в голову. Улица вывела их на аллею и она была совсем другой. Как будто город показал им другую сторону лица — не добрую, не злую, а честную.

Вдоль аллеи стояли голые люди. Полностью. Каждый — на деревянном подиуме, руки подняты вверх и прибиты к столбам позади. Гвозди были разные: у кого один в ладони, у кого четыре — старые раны окружены засохшей кровью. Люди были в грязи, слипшейся на коже, истощённые до синеватых рёбер. Под ногами — кучи фекалий, которые никто не убирал. Они стояли с разным выражением лиц. У одних — заторможенная обречённость. У других — истеричный страх. Третьи выглядели почти примирившимися. Состояние зависело от того, сколько времени они уже здесь висели. По некоторым было видно — пару часов. По другим — сутки. И были такие, что, похоже, стояли уже второй или третий день. Вдоль аллеи стояли родственники. Мужчина держал за руку женщину, оба бормотали молитву и плакали. Девочка лет восьми тихо всхлипывала, глядя на прибитого к столбу дядю. Другие наоборот — сидели

спокойно, читали вслух священные тексты, словно это какой-то ритуал очищения. Архижерец даже не замедлил шаг.

— Аллея искупления, — произнёс архижерец тем же тоном, каким обычно говорят: «вот там — пирожки с мясом». — Здесь оказываются те, кто нарушил кодекс.

Рэн краем глаза заметил, что архижерец сжимает в руке что-то маленькое. Дощечки — около пяти на пять сантиметров, светлое дерево, гладкое, как будто их холили каждый день. Десять штук, продетых в металлическое кольцо. Архижерец перебирал их большим пальцем, и на каждой стороне мелькали чёткие, выведенные ровным каллиграфическим почерком буквы. На одной стороне — имя бога. На другой — короткая молитва. Архижерец проводил пальцем по имени, затем по молитве, и только после этого отпускал дощечку. Она перекатывалась по кольцу, и со звонким щелчком ударялась об остальные. Ритм был размеренный, почти медитативный. Рэн вдруг понял: архижерец всё это время шепчет. Молитвы идут у него сами по себе, будто дыхание.

— У нас нет тюрем и смертных казней, только искупление, — сказал архижерец, не поворачиваясь.

Рэн скривил лицо — даже не скрывая. Архижерец заметил.

— Я знаю, о чём ты думаешь, — бросил он через плечо. — Люди умирают. Но это искупление. У нас свои правила. Не хуже и не лучше ваших. Просто другие.

Он щёлкнул следующей дощечкой.

— В зависимости от согрешения — количество гвоздей. Один гвоздь — один день. Если человек раскается — его снимают. Если нарушает снова — гвоздей становится больше.

Когда они вышли с аллеи, Рэн поймал себя на том, что смотрит людям на руки. Некоторые проходящие носили перчатки даже в жару. У других на кистях виднелись старые шрамы: пара маленьких круглых отметин... три... четыре. Следы от гвоздей. Кто-то уже прошёл через искупление и вернулся в обычную жизнь. Столица внезапно заиграла новыми оттенками: за ухоженными улицами стояла железная система, строгая и бескомпромиссная. Архижерец остановился так резко, что Матис едва не врезался ему в спину.

— Раз вы авантюристы, у нас есть к вам просьба, — сказал он, тщательно подбирая слова. — Появилась тварь. Небольшая, но неприятная. Народ нервничает. Вы уже здесь, так что... решите. Быстро.

Рэн приподнял бровь:

— А конкретнее?

Архижерец скривился, как будто ему в рот залетела живая муха.

— Шакал. Пугает людей, пару лавок разнёс.

— Шакал? — Рэн фыркнул. — А стража на что?

— Стража занята делами поважнее, — сухо ответил архижерец. — А этот... ну... он как бельмо. Убить мы его не можем — еды от него не будет, материалов тоже. Злого умысла нет, просто зверь. И выгнать не выходит. Надеюсь, вы с ним разберётесь. Желательно — гуманно.

Рэн оглянулся на Матиса. Тот пожал плечами — классическое «делать нечего, давай уж».

— Ладно, — сказал Рэн. — Займусь. Только сперва отдышусь и хоть немного приведу себя в порядок. Я не из камня.

Архижерец лишь щёлкнул очередной дощечкой и кивнул, будто разрешая. Рэн вырубился в снятой для них комнате так, будто его оглушили. Спал мёртвым сном, без сновидений, без мысли, просто провалился в тёмную яму и выбрался из неё только к вечеру. Когда поднялся, чувствовал себя человеком. Ноги почти отошли, спина перестала ныть, и даже настроение было — если не хорошее, то хотя бы терпимое. Он спустился вниз, где Матис уже ждал его, нахмуренный, но без прежнего снобизма.

— Готов? — спросил рыцарь.

— Если после такого сна не готов, значит, я никогда не буду готов, — буркнул Рэн, подтягивая ремни.

Матис кивнул коротко, сосредоточенно. Вид у него был такой, будто он и во сне стоял по стойке «смирно». Рэн уселся за стол на улице рядом с Матисом. Воздух становился гуще — тёплый, с примесью жареного теста и влажной пыли. Через пару минут принесли еду: простую, но горячую — тушёное мясо, лепёшку, густой горьковатый чай. Он ел, но скоро заметил движение на улице, и ложка зависла в руке.

Женщины. Всё больше. Они выходили из соседних домов и дворов, будто город сам выдыхал их на площадь. Двигались плавно, мягко, как вода в сосуде. Их сорочки были лёгкими, почти прозрачными, но не вульгарными — скорее ритуальными. На свету факелов сквозь ткань проступали силуэты тел: изгибы бёдер, линии рук, тени лопаток. Они кружились в медленном танце, синхронном, будто у всех был один ритм сердца. Рэн смотрел и забыл про еду. Казалось, что движения девушек притягивают взгляд сами по себе — как огонь, на который нельзя не смотреть. Матис толкнул его локтем.

— Танец богини Найке, — сказал он. — Для плодородия. Что-то вроде вечерней молитвы.

— Понял, — выдохнул Рэн, не отрывая взгляда.

— Хорошо, — хмыкнул Матис. — А то тебя примут за извращенца и прибьют к столбу — ради профилактики.

Рэн покосился на него, но промолчал.

— Ты доел?

— Да.

Матис встал.

— Тогда идём. Шакала снова видели. Пока ты отдыхал, он разнёс ещё одну лавку.

Ну прекрасно, подумал Рэн. Не успел проснуться — уже работа. Шакал объявлялся в нижнем квартале — месте, где улицы становились теснее, а дома будто подпирали друг друга плечами. Здесь пахло затхлой водой, жареным мясом и сухими травами. Узкие мостки скрипели под ногами. Они слышали его раньше, чем увидели: хриплое фырканье, резкое, нервное.

— Вот он, тиш... — начал Рэн, но осёкся.

Из-за мусорных ящиков выскользнула тварь: худая, вытянутая, с шерстью, облезшей на боках. Глаза у неё горели жёлтым, как горячий уголь. Двигался зверь дёргано, будто кто-то невидимый рвал его за жилы. Он увидел их — и стрелой сорвался с места. Матис дёрнулся к мечу, но Рэн поднял руку:

— Не мешай.

Он сделал шаг в сторону, будто бы невзначай, присел — и шакал, сбившись с линии бега, метнулся туда, куда Рэн и рассчитывал. Одним рывком он схватил зверя за шкуру и впечатал в землю. Тварь пискнула, клацнула зубами, но Рэн прижал морду ладонью.

— Тихо, псина, — сказал он негромко. — Кто тебя так напугал? Чего ты тут всё громишь?

Шакал всхлипнул, дёрнулся — и... затих. Просто рухнул в полное, безнадёжное смирение, как зверь, которому наконец дали понять, что его не будут бить. Вблизи он казался не злым, а потерянным. Шерсть горячая, как у больного. Глаза — не злобные, а испуганные. Матис присел рядом:

— Что будешь делать?

— Отнесём за город. Пусть сам уходит. Архижрец сказал — гуманно... ну, значит, гуманно.

Так они и сделали. За стенами Брилстага туман лежал низко, будто земля курила. Стоило отпустить — шакал оглянулся, коротко твякнул, как будто благодарил, и растворился в белой дымке. Утром делегация смотрела уже иначе. Без восторга — от Хорона и не ждёшь восторга — но с уважением, которое они явно сами от себя скрывали. Красный плащ сказал:

— Вы выполнили просьбу. Город благодарен.

— Да-да, — отмахнулся Рэн. — На здоровье.

Архижрец кивнул — коротко, скрипуче, словно шея у него была сделана из старого дерева. Он расстегнул металлическое кольцо с маленькими дощечками, перебирал их пальцами, пока не нашёл нужную.

Он протянул её Рэну.

— Это табличка бога Малика. Он помогает найти путь — тем, кто потерялся. Возьмите.

Рэн посмотрел на дощечку так, будто она могла укусь.

— Спасибо, — сказал он, но получилось скорее «ну ладно». Он взял табличку, почувствовав тёплую, тщательно отполированную поверхность.

Архижрец улыбнулся. Бескостный уже ждал на окраине — всё в той же засаленной тряпке. Сидел, прислонившись к тёплым бокам птиц, будто и не уходил никуда. Одна птица положила голову ему на колени — огромный клюв почти касался земли. Бескостный машинально перебирал перья у неё на шее. Матис вздохнул:

— Пора. Следующая точка — Лес Дарн.

В этот раз Рэн взлетел куда увереннее, чем прежде, но птица всё равно пыталась его сбросить, будто проверяла на прочность. Огромные крылья хлопали с такой силой, что воздух свистел в ушах. Она издавала странные, сухие, дерзкие звуки — Рэн их воспринимал как издевательский смех, будто эта пернатая тварь была умнее, чем стоило бы. Впрочем, полёт проходил терпимо. Если не считать того, что он так и не привык к долгим перелётам: всё затекало — спина, ноги.

Сначала под ними стелилась бесконечная равнина, но вскоре на горизонте вырос лес — густой, могучий, с вековыми стволами толщиной в дом, переплетёнными кронами и сумраком, который начинался уже на уровне макушек деревьев. Лес выглядел так, будто мог проглотить любого и даже не подавиться. Через пару часов вдали заблестела голубая гладь океана, но Матис коротко свистнул и подал знак к посадке. Посадка между кронами оказалась сущим испытанием. Рэн в какой-то момент просто доверился птице: сжал ногами её бока, зажмурился и решил, что, если судьба — так судьба. Но пернатая справилась. Опустилась мягче, чем можно было ожидать от махины такого размера.

— Мы остаёмся здесь, — сказал Матис, слезая первым. — И будем ждать представителя дриад. Будьте аккуратнее. Не дай бог наступим на какую-то священную травинку — они нас на ветке повесят.

— Поняли, командир, — буркнул Рэн.

Парни расселись. Бескостный мгновенно задремал, как всегда — мог уснуть даже на острие кинжала. Рэн занялся чисткой своих ножей: работа привычная, успокаивающая. Сталь блестела, руки сами знали, что делать. Матис стоял чуть поодаль, настороженный, словно страж у границы чужих земель. И именно это чувство — чуждости и тревоги — усилилось, когда без единого звука, будто выросшая из тени, из-за деревьев появилась девушка. Одежда у неё была цвета молодой листвы, сотканная будто из самих растений. На голове — небольшие рога, похожие на ветви, украшенные тонкими плетёными узорами. Двигалась она плавно, почти не касаясь земли, как будто ступала по вязкой воде. Парни рефлекторно вскочили. Птицы зашевелили крыльями, но не улетели. Она подошла к ним и провела ладонью по их шеям.

— Небесные повелители, — произнесла она с мягким акцентом. — Они прекрасны.

Затем она обернулась к Матису, задержав на нём внимательный взгляд.

— Ты заклинатель птиц? — спросила она, хотя в её голосе уже звучала уверенность. — Если ты останешься у нас, тебе не придётся ни в чём нуждаться. Лес щедр к тем, кто понимает язык его существ.

Матис смутился. Настоящий рыцарь, закалённый боями, но вот дриада — и он теребит затылок, как деревенский парень перед красавицей.

— Эм... извините, не могу, — наконец сказал он. — Может, когда закончится моя служба... посмотрим.

В её глазах мелькнуло что-то вроде лёгкой, древней усталой грусти.

— Жаль, — тихо ответила она. — Следуйте за мной.

Они шли всё глубже в чащу, где воздух становился густым, пахнувшим мхом и влажной корой. Шаги утопали в мягкой подстилке из иголок, а редкие лучи дневного света пробивались сквозь сплетённые ветви, как сквозь витражи древнего храма. И вдруг лес расступился — будто сам решил открыть им дорогу — и перед ними возникло поселение. Дома там располагались прямо внутри деревьев, словно те когда-то согласились принять в себя жильцов. Стволы скручивались в естественные арки, ветви служили прочными перекрытиями, а лианы заменяли верёвки и поручни. Всё выглядело так, будто лес выращивал постройки специально под нужды дриад — без единого следа топора или пилы.

Повсюду ходили дриады: кто-то нес корзину из переплетённых корней, кто-то заставлял упругую древесную лестницу расти и переплетаться, превращая её в каркас будущей беседки, кто-то создавал в ладонях светящуюся сферу тепла и аккуратно помещал её в металлическую печку — железо немного не вписывалось в общий облик, но, судя по разговорам, металл они покупали у людей «больше от безысходности, чем от любви к прогрессу». Всё их колдовство было тихим, мягким, текучим — как сама природа. Ни вспышек, ни ритуалов — только лёгкое движение пальцев и лёгкий шелест листвы в ответ. Дриада провела их к широкому навесу из переплетённых ветвей. Он выглядел так, словно дерево решило вырастить крышу просто потому, что ему так захотелось.

— Подождите здесь, — сказала она. — Скоро для вас подготовят дома, и вы сможете начать выполнять нашу договорённость.

Она развернулась и ушла столь же бесшумно, как и пришла. Рэн вопросительно посмотрел на Матиса. Тот вздохнул, словно объясняет что-то уже не в первый раз.

— Они разрешили нам остановиться здесь, — сказал он. — В обмен на то, что мы будем... ну... оплодотворять дриад.

Рэн скривился, будто ему предложили съесть тухлую рыбу, и отвернулся.

Вы думаете, почему я не рад? Казалось бы — лесные нимфы, дриады, романтика, экзотика, «потрахать под шелест ветра» и всё такое. Попадая на эту планету, у тебя не будет гарема, где тебя встречают красавицы всех типов: и цундере, и «лоли, которой две тысячи лет». Тут всё куда прозаичнее.

С сексом здесь сложности. Это не Земля. Гигиена — условная. Болезней — набор, от которых любой врач сбежал бы, перелезая через стену. Антибиотики не помогут — их тут нет и не будет. Да, не все болеют, но проверять я не собираюсь. Есть зелья защиты — но стоят они как подержанная иномарка. Примерно как подарить свой любимый «ваг» или «Тойоту» только потому, что с кем-то переспал. Девственницы здесь есть, но на них либо жениться, либо становиться покупателем живого товара. Проститутки — женицины, которые в тридцать выглядят на пятьдесят, с обвисшими грудями и язвами, от которых хочется задубить себя подушкой. Эскортницы — это дочери графов, туда я не дорос. Конечно, дриады красивы, здоровы и не болеют, но с ними тоже всё не так просто.

— Рэн, ты меня слушаешь? «Что ты делаешь?» — спросил Матис.

Бескостный успел показать жестами: «Не обращай внимания, он так часто».

— Так вот, — продолжил Матис. — Мы проведём тут два дня. Днём к нам будут приходить по две девушки. Делайте всё, что они скажут. Хоть дрын в жопу засунут — терпите. Дерево потом само вас простит. И запомните: не вздумайте что-то выкидывать. У них маны — как воды в океане, и они могут тянуть её прямо из леса. Здесь они почти как боги.

— Да понял я, — фыркнул Рэн.

Их развели по домам — каждого в свою деревянную комнату. Внутри пахло свежей смолой и влажными листьями; мебель была живая, в нужных формах, как будто лес подстраивался под жильцов. Через пару часов, когда Рэн уже устал разглядывать переплетённые древесные узоры на стенах, дверь открылась. Без стука. Без предупреждения. Просто тихий шелест, будто дерево само раздвинулось. Вошла дриада. Он попытался подняться — автоматически, из вежливости, — но она бросила в него короткую фразу на своём языке. Звучало это как смесь угрозы и раздражения. Ничего он, конечно, не понял, но тон был предельно понятный: «Лежи, не дёргайся». Она продолжила говорить — скорее, выговаривать — и одновременно показывала жестами. Не торопясь, но и не пытаясь быть особенно понятной. В итоге Рэн уловил только общий смысл: лежать на кровати, и снять штаны. Или он так подумал. Второе она обозначила слишком красноречиво, чтобы ошибиться. Он подчинился. На всякий случай.

Дриада подошла ближе, достала из маленького мешочка ягоду — сочную, блестящую, алую. Протянула ему, чуть кивнув: проглоти. Он проглотил. Глупо, конечно, но выбора у него не было. Жар ударил в пах почти сразу. Так быстро, что он едва не застонал — то ли от шока, то ли от того, как резко накрыло возбуждение. Она не раздевалась полностью, лишь приподняла юбку, как поднимают крышку у рабочего инструмента. Села на него размеренно, будто выполняла часть обязательного ритуала. Рэн уже хотел положить ей руки на талию — рефлекс, желание хоть какой-то взаимности, — но дриада мгновенно перехватила его запястья и оттолкнула. Жёстко. Без тени сомнения.

Она двигалась ровно, механично. На лице — ничего. Иногда мелькала брезгливость, как будто сама мысль о человеческом теле была ей неприятна. В её взгляде читалось: «Когда ты уже закончишь? Мне мерзко даже стоять рядом». И, странное дело, в этом тоже было что-то притягательное. Не как возбуждение, а как адреналин — то самое нервное чувство, когда ты понимаешь, что не управляешь ситуацией. Но этого хватало только на то, чтобы держать эрекцию, не больше. Дриада вдруг коротко цыкнула — звук напоминал треск сухой ветки. Она не изменила ритм, не наклонилась, не прошептала ничего на ухо. Просто... что-то сделала. Может, активировала магию. Может, направила ману. Может, дала команду самому лесу. И внезапно Рэн почувствовал, как по телу прошёл разряд чистого, необъяснимого наслаждения. Молнией. Без предупреждения. Он кончил — так резко, что сам удивился, будто это не он сделал, а его тело решило за него.

Так прошли два дня. Одинаковые комнаты, одинаковые дриады, одинаковые ритуалы. Механика вместо страсти. Магия вместо взаимности. Долг вместо желания. Бескостный, судя по довольной роже, вообще перевыполнил план и мог бы остаться здесь жить. А Рэн улетал с Леса Дарн с каким-то мутным, неприятным клубком внутри — смесью удовлетворённости и ощущения, что его просто использовали.

Они летели вдоль гладкой, почти зеркальной поверхности океана. Солёный, влажный воздух тянулся за ними длинным хвостом, обволакивал кожу, лип к губам. Морской бриз был тёплым, даже ласковым — казалось, сам мир ещё не решил, утопить их или поприветствовать. Но где-то на середине пути небо просто взбесилось. Тучи, как тяжёлые чернила, затянули весь свод за считанные минуты. С глухим раскатом ударил гром — первый, тяжёлый, как предупреждение. Молнии полосовали пространство так близко, что казалось, ещё немного — и прожгут воздух между ними. Дождь обрушился стеной. Одежда мгновенно намочила, тяжело прилипла к телу. Вода хлестала в лицо, солёная, жестокая, сбивающая дыхание. Рэн наклонился к птице, держась из последних сил — руки уже ныли.

— Мы друг друга не любим, — прокричал он сквозь ревущий ветер, — это взаимно! Но сейчас я тебе доверяю!

Птица ничего не ответила, только чуть сместила крылья, словно признавая, что у неё нет выбора. Шторм бился о них, как будто специально хотел сбросить. Казалось, воздух сам стал врагом. Но они выжали из себя всё и прорвались: впереди показался остров Мерк — тёмное

пятно спасения посреди бушующей серой пучины. Они, едва держась на крыльях, влетели в пещеру. Рэн скатился на каменный пол, и обнял землю.

— Жив... — выдохнул он. — Родная...

Матис дёрнулся, сбрасывая воду.

— Надо разжечь костёр, — сказал он устало. — Иначе к утру околеем.

Они собрали обломки сухих деревяшек, подожгли их кремнем. Пламя сначала едва цеплялось, но вскоре разгорелось. Они разложили мокрые вещи вокруг огня, уселись ближе, плечом к плечу с птицами, которые тоже забились к теплу. Тело постепенно оттаивало, пальцы снова слушались. И там же, в этом тёплом куполе света, они уснули почти сразу — без сил, без мыслей, будто их вырубил. Утро было будто из другого мира: ясное, тихое, тёплое. Небо без единого следа вчерашней ярости. Даже воздух казался новым — чистым, лёгким.

От острова до материка Пирен они долетели легко, без приключений. И именно это ощущение спокойствия делало контраст ещё жёстче, когда перед ними вырос горизонт материка. Сначала — Скалистый хребет, тёмный и угрюмый, будто смотрел на них с немим предупреждением. Потом — зелёные холмы, но зелень эта была болезненной, жёсткой. Наконец — пыльный, хриплый лес, который шуршал не листвой, а сухими, словно мёртвыми руками. А потом жара ударила, как пощёчина. Воздух стал густым, горячим, будто растопленный воск. Глотать его было тяжело. Небо — выжженное, почти белое. Земля — потрескавшаяся, цвета ржавчины, как будто сама пыталась сбросить с себя жизнь. Марево дрожало над каждой кочкой, очертания ходили волнами. Редкие деревья стояли перекошенные, как калеки. Ветки голые, листья — тусклые и пыльные. Кусты походили на обгоревшие комки, колючие, неприветливые. Сухой горячий ветер поднимал хвосты красной пыли, забивая её в глаза, в рот. Пахло горячей землёй, пеплом и чем-то хищным. Матис время от времени всматривался в горизонты — тревожно, настороженно. Острые скалы вдали торчали, как когти зверя, рвущие землю изнутри. Справа шумел лес, но не живой — серый, мёртвый, будто сам прирождённый страх поселился там. Пирен не встречал гостей. Он сразу показывал зубы.

Но чем дальше они двигались на северо-восток, тем заметнее менялся ландшафт. Сухая, выжженная жарой земля постепенно отступала. Сначала появились редкие пятна зелени, потом — влажная трава, вязкая, будто напитанная туманом. За ними — первые тени от высоких деревьев. Ветер стал холоднее, тяжелее. Лес будто вырастал из воздуха, становясь всё гуще, темнее, влажнее. Длинные лианы свисали с ветвей, скрывая часть света. Вдалеке слышался шум — не ветер, нет — вода. Водопады. Настоящие, живые реки, падающие с каменных уступов. И горы — тёмные, острые, будто местные боги когда-то ткнули пальцами в землю.

Они приземлились в королевство Хикст. Здесь воздух был совсем другой: прохладный, пахнувший мокрым мхом и цветами, шепчущими на ветру. Птицы мягко опустились на каменную площадку, выдохнув от усталости. Рэн слез, немного покачнулся и, поймав взгляд своей птицы, сказал:

— Спасибо.

Птица медленно наклонила голову — не по-человечески, но так, что Рэн всё равно уловил в этом жест признания. Возможно, даже уважения. К ним почти сразу подошла стража. Четверо. Высокие, в зелёно-серых доспехах, украшенных узором в виде переплетённых ветвей. Люди на этой планете в основном говорят на одном языке. Они называют его «Первым языком». Поскольку люди — одна из многочисленных рас и оказывает значительное влияние в политике этого мира, другим расам тоже приходится его изучать. Однако в повседневной жизни большинство всё же говорят на своих родных языках.

— Приветствуем вас, жители Валэнтара, — сказал один, судя по нашивкам — командир. Голос у него был низкий, уверенный. — Пойдёмте за нами. Мы проведём вас к поселению, где в последний раз видели скардрека.

Рэн оглянулся — Матис уже снимал оснастку с птиц. Руки его двигались быстро, привычно, но взгляд был задумчив.

— Ты с нами не пойдёшь? — спросил Рэн.

Матис остановился, поднял голову.

— Моё задание было довести вас. А потом... — он коротко посмотрел в сторону джунглей. — ...привести голову скардрека.

— Понятно. Рад был познакомиться.

Они кивнули друг другу — короткий, честный жест двух людей, которые прошли длинный путь в месте.

Рэн и Бескостный пошли за стражей. Город оказался не похож ни на один, что Рэн видел раньше. Никаких каменных стен, башен, мостовых. Всё строилось вокруг воды — тихой, глубокой, холодной. Дома стояли на высоких сваях, будто город вырос на паучьих ногах. Одни были простыми — круглыми, покрытыми соломенной крышей. Другие — выше, шире, украшенные резьбой: спирали, переплетения ветвей, странные символы, которые наверняка имели смысл, но никто не спешил его объяснять чужакам.

Между домами тянулись деревянные мостики. Узкие, слегка покачивающиеся, но крепкие. Доски тёмные — явно от постоянной влаги, отполированные тысячами босых ног. Под ними шумела вода: где-то журчала спокойно, где-то билась о сваи, создавая низкое, убаюкивающее гудение, будто город дышал. Вода была везде. Между мостков плавали длинные лодки, вытянутые, словно ножи. На них сидели местные — темноволосые, худые, с кожей цвета тёплого песка. На поясе у каждого висела короткая изогнутая сабля или нож. Здесь даже дети носили оружие так же естественно, как на шее амулет.

Запах стоял смешанный: мокрое дерево, рыба, дым ароматных трав, которыми окуривали дома от насекомых. Где-то, чуть дальше, слышался звук барабана — размеренный, как шаги сердца города. Стражи не выглядели суровыми — но и дружелюбными их назвать нельзя. Их лица были спокойны, почти без эмоциональны, будто они давно привыкли, что здесь всё решает не сила, а умение выживать среди джунглей. Взгляд у них был цепкий, скользящий — словно они оценивают, не станете ли вы проблемой. Или едой для кого-нибудь, кто живёт в воде. Рэн заметил на стенах некоторых домов высушенные шкуры змей. Большие, маленькие, пёстрые — висающие как трофеи или предупреждение. Некоторые были настолько длинными, что свисали почти до воды.

— Не самый радушный город, — пробормотал он.

Бескостный лишь пожал плечами, будто его вообще ничего не удивляло. Дальше были рынки: низкие лавки, где продавали травы, странные фрукты, чёрные смолы, ядовито-зелёные порошки. Всё выглядело так, будто местные торгуют не товарами, а компонентами для смерти и исцеления одновременно. Жизнь здесь была плотной, как влажный воздух — тепло, много людей, много запахов, но в каждой улыбке чувствовалась осторожность. И вот, когда они уже миновали последние дома, Рэн оглянулся — город будто растворялся в зелени, становясь её частью. Ни стен, ни ворот — просто граница, где цивилизация уступает место джунглям.

В нем, бурлила жизнь. Влажный воздух лип к коже. Где-то кричали птицы. Кто-то шуршал в листве, мелькал между кустами. Дорога петляла так, будто боялась идти прямо. Они шли долго. Стража уверенно держала путь, но Рэн начал ощущать странное напряжение, будто воздух стал плотнее. И вдруг это ощущение сместилось — во что-то холодное, неприятное. Он не просто почувствовал взгляд — он почувствовал внимание. Чужое, пристольное. Он остановился.

— Чувствуете? — спросил он тихо.

Стража повернулась, но не успела ничего сказать. Кусты справа вздрогнули. Затем слева. Шуршание. Тяжёлое, гнетущее. И из зелени показались головы, много. С десятков, потом больше. Змеи разных размеров, разных пород, разных цветов — чёрные, пятнистые, желто-

ватые, с блестящей кожей или сухой шершавой. Но среди них не было ни одного скардрека. Рыцари тут же выхватили мечи. Металл блеснул. Рэн поднял клинки, встал рядом.

Бескостный просто стоял. Руки опущены, взгляд устремлён в небо, будто вся эта сцена его не касалась. Змеи зашипели — и рванули. Одна укусила его в шею. Другая — в бедро. Третья — в бок. Большая, толстая, почти как удав, обвилась вокруг него и начала сжимать. Один из рыцарей дернулся вперёд — помочь, оттащить, сделать хоть что-то. Но Рэн схватил его за плечо и произнёс.

— Не лезь! Он сам!

На них тоже набросились змеи. Они сшибали их клинками, рубили, отбивались. Воздух наполнился шипением, звоном металла, запахом крови и мокрой травы. Во время очередного удара у Рэна порвался ремень сумки. Она упала на землю, перекувырнулась, и из неё посыпались зелья, инструменты, припасы. Он лишь на миг отвлёкся — и тут же почувствовал резкую боль: змея вцепилась в предплечье. Ещё хуже — несколько змей подхватили сумку и утащили в чашу, извиваясь, будто праздная удачу.

Бескостный, даже с укусами по телу, вдруг дёрнулся. Его взгляд прояснился. Он сорвал с себя крупных змей, разорвав их и отбросив в стороны. Потом одним прыжком оказался рядом с Рэном. Его ладонь взмахнула, открытая, резкая — и голова змеи отлетела прочь. Но тени вокруг уплотнились. Земля будто дрогнула. И появился он. Скардрек. Пяти метров ростом. Толстый, как столб. Бронзово-серая чешуя. Глаза — жёлтые, тёмные, умные. Он не был королём — но был достаточно страшным.

— Бегите на юг! — крикнул один из рыцарей, перекрикивая шипение. — Там будет поселение! Вам туда! Там есть лекарь! Мы его задержим!

Бескостный коротко кивнул. Подхватил Рэна, перекинул его через плечо и побежал. Рэн был в сознании, но всё плыло, будто мир превращался в воду. Его лихорадило. Он чувствовал вкус металла во рту. Жар. Яд. Время потеряло смысл. Лес мелькал пятнами. Голоса звучали будто из другой комнаты — далёкие, глухие. И вдруг звук прорезал туман:

— ...Положи его... на кровать...

Рэн открыл глаза — в висках всё ещё стучало, но огненной лихорадки уже не было. Воздух в комнате пах сушёнными травами, смолой и чем-то сладким, вроде мёда, который слишком долго кипятили. Он медленно поднялся и сел на кровать, чувствуя, как мышцы ноют, будто его таскали по камням всю ночь.

— Как себя чувствуешь? — раздался тонкий, почти певучий голос.

Рэн обернулся. За столом сидел тощий парень в круглых очках — настолько неуместный среди влажной, дикой природы, что казалось, он попал сюда по ошибке. Волосы аккуратно зачёсаны, одежда чистая, даже выглаженная — аристократ, выброшенный в джунгли, но почему-то чувствующий себя здесь как дома. Рэн потер глаза, морщась от головной боли.

— Я так понимаю, ты — лекарь?

Парень мягко улыбнулся, словно гордился своим званием. Комната была заставлена глиняными горшками, стеклянными пузырьками с настоями, корзинами сушёных трав и деревянными полками, заваленными свитками и потрёпанными книгами. Под потолком на верёвках висели связки корней и лечебных растений. На небольшом очаге тихо булькал медный перегонный куб, а тонкая струйка прозрачного настоя капля за каплей стекала в глиняную чашу. Лекарь выглядел так, будто способен по запаху определить состав любого яда, но при этом потеряет сознание при одном виде крови.

— Тебе повезло, — сказал он, не поднимая головы от каких-то заметок. — Вы пришли вовремя, и змея была не из самых ядовитых. Ну... относительно.

— Да я вообще везучий по жизни, — буркнул Рэн, вставая. Ноги не слушались, и он покачнулся, уцепившись за край стола. — Что я должен за лечение?

Лекарь поднял взгляд, удивлённый, почти оскорблённый таким вопросом.

— Нет, не надо. Вы же пришли к нам, чтобы победить короля Скардрека. Это... вклад. И благодарность за то, что вы вообще сюда сунулись.

Рэн нахмурился, но спорить не стал. Внимательно присмотрелся к парню: тонкие пальцы, под глазами тени, спина сутулая. Точно книжник. Но в глазах — жёсткость. Такой не боится змей, но боится людей.

— Ладно, — сказал Рэн, — пойду пока.

— Будьте осторожны, — лекарь поднял голову. — И пейте больше воды. До встречи.

Рэн вышел, прикрыв дверь. На пороге его ждал Бескостный.

— Привет, — сказал Рэн и сразу нахмурился. — Ты же понимаешь, что этих змей кто-то натравил? Они так себя не ведут.

Бескостный кивнул. Лицо не выражало ни эмоций, ни сомнений. Но глаза выдавали: он пришёл к тем же выводам.

— Они двигались слишком слаженно, — продолжил Рэн, понижая голос. — Как будто кто-то ими руководил. Их действия были... разумными. Как думаешь, это способность короля скардрека? Он вообще разумен? Или тут замешан ещё кто-то?

Бескостный помолчал, потом пожал плечами — коротко, безразлично, будто вариантов было слишком много, чтобы выбирать. Рэн скривился.

— Ну да, от тебя, как всегда, нет пользы. Ладно. Я пока пройдуся, соберу информацию.

Бескостный показал большой палец. Мимо проходили местные девушки — загорелые, с яркими бусами и длинными косами. Они хихикали и махали Бескостному. Рэн покачал головой. Он никогда не понимал, как этот молчаливый, страшноватый на вид тип умудряется нравиться женщинам. Его самого, наоборот, сторонятся, хотя объективно выглядит он куда менее пугающе. Бескостный, не тратя время зря, пошёл за смеющимися девушками, а Рэн направился вглубь поселения, чувствуя, как внутри растёт неприятное предчувствие.

Рэн шёл по поселению не спеша, будто просто разминался после болезни. На самом деле он внимательно слушал, улавливал чужие разговоры, всматривался в лица. Поселение было тихим: двадцать домов, слегка покосившиеся ставни, запах сушёной рыбы, дым из труб. Но в воздухе висело нечто тяжёлое. Люди смотрели на лес так, будто тот уже вытянул к ним когти. Сначала Рэн направился к дому главы — Дерста. Мужик был крепкий, коренастый, с широкой челюстью и густой проседью. На вид — человек, который привык принимать решения, а не задавать вопросы.

Дверь была распахнута, и Дерст стоял у стола, что-то перекладывая. Рэн заметил странный жест: глава поселения протянул руку в воздух — и из ниоткуда материализовался кожаный мешок с какими-то травами. Очень аккуратно, очень уверенно. Заклинание «Бездонный карман». Старое, полезное, но требующее контроля. Лишний раз подтверждало: в поселении его считали почти что хозяином.

— Живой? — спросил Дерст, не оборачиваясь.

— Более-менее, — ответил Рэн.

Он стоял у стола, заваленного свитками и картами, и не спешил поворачиваться, будто разговор был для него формальностью.

— Что ты хотел? — наконец спросил Дерст.

— Мне нужны зелья. Где их можно приобрести?

Дерст хмуро посмотрел на него поверх очков, словно взвешивал, стоит ли вообще отвечать.

— Только в городе. Но добраться туда будет сложно. Ты это уже понял.

Рэн медленно сел на край лавки. Не из усталости — просто так разговор шёл лучше.

— Кто сможет помочь? Кто покажет дорогу?

— Найди охотника Морна. Если согласится — проведёт.

Рэн не ответил. Он продолжал сидеть, разглядывая помещение: слишком чисто для приграничного поселения, слишком много аккуратно расставленных банок. И слишком спокойный хозяин.

— Что-то ещё? — спросил Дерст, бросив на него быстрый взгляд.

— Про змей расскажешь что-нибудь полезное?

Дерст поднял глаза. Взгляд спокойный, даже чересчур. Ни раздражения, ни тревоги, ни сомнения — будто он давно принял происходящее как факт.

— Змеи у нас каждый год появляются, — произнёс он ровно. — Но в этот раз они другие. Организованные. Не лезут по одиночке, идут кучно. Как будто кто-то их направляет.

Рэн молча кивнул. Он специально не выказал ни удивления, ни согласия. Пусть думает, что он просто слушает.

— Люди напуганы, — продолжил Дерст. — Но паники я не допущу. У нас порядок.

Рэн встал.

— Ладно, — сказал он. — Спасибо. Если что — я рядом.

Глаза Дерста сузились, но он кивнул. Рэн вышел, чувствуя, как мурашки пробегают по спине. Хрен поймёшь, чем этот глава живёт и что скрывает. Следующим был охотник — Морн. Он сидел возле своего дома, низкого и приземистого, будто вросшего в землю, и чинил капкан. Металл тихо щёлкал в его руках, движения были точные, отработанные до автоматизма. У его ног лениво грыз кость волк — крупный, серый, с подпалинами на морде. Он не рычал и не суеился, но взгляд зверя был жёстким и внимательным, таким, будто он прекрасно понимал человеческую речь. Морн выглядел как человек, который предпочитает общение только с лесом. Худой, жилистый, словно сотканный из сухожилий и костей. Тёмная кожа, потрескавшаяся от солнца и ветра, светлые, почти выцветшие глаза. Даже сидя, он не был расслаблен — в любой момент мог вскочить и ударить.

— Морн, — окликнул его Рэн.

Охотник не сразу поднял голову. Он продолжал возиться с капканом, проверяя пружину, щупая зубья. Лишь когда металл сухо щёлкнул, он посмотрел на Рэна.

— Ага, — буркнул он. — А ты кто? Я тебя раньше не видел. Новенький?

Рэн отметил взгляд — цепкий, оценивающий. Так смотрят не на людей, а на потенциальные проблемы: сколько шума принесут и как быстро сдохнут.

— Да. Недавно приехал, — спокойно ответил он. — Охочусь на короля скардрека.

Морн хмыкнул и наконец встал. Теперь стало видно, что он весь собран из узлов, шрамов и старых переломов. Таких не берёт возраст — они просто медленно стираются, как камень под дождём.

— А-а-а... — протянул он. — Очередной авантюрист. Понятно.

Он сплюнул в сторону.

— И что хотел?

— Мне надо в город. Проведёшь?

Морн прищурился и несколько секунд молча изучал Рэна, словно заранее размышляя, где ему придётся того искать: в болоте, в пасти какой-нибудь твари или на верхушке дерева.

— За достойную плату — проведу.

Рэн улыбнулся коротко, без лишних слов.

— Но ничего не обещаю, — добавил Морн, убирая капкан в сторону. — Дойдём мы или нет — хер знает.

— Устраивает, — ответил Рэн.

Они пожали руки. Хватка у Морна была жёсткая, проверочная — не дружеская, а рабочая. Волк у его ног на мгновение поднял голову и внимательно посмотрел на Рэна, словно тоже принял решение. Рэн шёл по поселению, слушая, как под ногами хлюпает влажная земля. Из-за угла показался Бескостный — тот просто поднял руку, будто мазнул воздух, жестом показы-

вая: пойдём за мной. Они прошли между домами, к небольшому строению из тёмного дерева. Бескостный ткнул пальцем в пол, потом в потолок, затем широким жестом обвёл помещение. Рэн понял: этот дом нам выделили на время.

Внутри было просто: две койки, стол, кувшин с водой. Ничего лишнего, ничего уютного — временное жильё, в котором не задерживаются. Рэн рухнул на кровать так, будто его выключили. Кровать скрипнула, но он даже не обратил внимания. Он лежал, уставившись в потолок, и медленно прокручивал в голове весь день. Разговоры, взгляды, недосказанности. Змеи, которые вели себя слишком слаженно. Люди, которые знали чуть больше, чем говорили. Картина складывалась, криво, с зазорами, но общая форма уже проступала. Рэн тихо выдохнул.

— Ладно... я спать. Мне рано вставать.

Бескостный молча кивнул и улёгся на свою койку. Ни скрипа, ни вздоха — будто его и не было вовсе. Он поднялся с первыми лучами света. Голова была ясной, тело — послушным, хоть и налитым усталостью. Рэн лениво собрался, затянул ремни, проверил клинки. Морн уже ждал на улице. Стоял спокойно, будто корень, вросший в землю. Рядом сидел волк — неподвижный, напряжённый, с прямым взглядом. Не зверь, а страж. Морн коротко кивнул, и они молча тронулись. Джунгли встретили сыростью. Земля под ногами пружинила, листья липли к коже, воздух был тяжёлым, насыщенным запахами гнили, сока растений и влажной шерсти. Солнце поднималось слишком быстро, и жара наваливалась почти сразу, делая дыхание вязким. Они шли молча. Морн двигался уверенно, точно знал, куда ставить ногу, словно лес был его территорией, а не чужой ловушкой. Он вдруг присел и положил ладонь волку на холку.

— Клык. Проверь окрестность. Тихо.

Зрачки волка сузились, дыхание стало ровным, почти неощутимым. Он сорвался с места и исчез в зарослях так быстро, что Рэн не уловил ни звука. Рэн покосился на Морна.

— Ты ведь можешь управлять зверями? — спросил он нарочито спокойно, будто разговор шёл о погоде.

Морн поднял на него взгляд. Долгий, оценивающий, тяжёлый.

— Могу, — сказал он наконец. — Заклинание старое. «Вождь прайда». Работает, если не бояться.

Рэн кивнул, принимая ответ.

— Тогда ты должен хорошо разбираться. Что скажешь про короля скардрека?

Морн посмотрел вверх, туда, где лианы сплетались в плотный зелёный потолок.

— Я его не видел. А что именно ты хочешь услышать?

— Мне кажется, он не просто зверь. Он разумен.

Морн молчал. Потом медленно выдохнул.

— Я не могу утверждать. Но да... похоже. Он обошёл все мои ловушки. Ни один обычный зверь так не делает. Хотя даже если он разумен — ощущение такое, будто ему кто-то помогает.

Рэн не стал сразу отвечать. Он шагал рядом, слушая лес и чужое дыхание.

— А ещё хотел спросить: я заметил странное поведение зверей, будто ими кто-то управляет и направляет. Как ты думаешь, это способность скардрека или кого-то из людей? Раз ты говоришь, что королю кто-то помогает.

Пауза повисла тяжёлая, липкая, как утренний туман.

— Показалось, — наконец сказал Морн. — Но я не уверен. А без доказательств обвинять не хочу.

Он звучал честно. Или очень хорошо умел делать вид. Они прошли ещё немного.

— А лекарь? — снова заговорил Рэн. — Он ведь не местный?

— Зачем тебе он?

— Глава сказал, что зелья можно купить только в городе. А лекарь мог бы их делать и зарабатывать. Это выглядит странно.

Морн хмыкнул.

— Он особенный. Идеалист. Закончил академию, приехал сюда пару лет назад. Говорил, что здесь редкие травы и звери. Хотел делать дешёвые лекарства без магии. Зелья его не интересуют.

— Ты ему помогаешь?

— С чего ты взял? — удивление в голосе было искренним.

— Он работает с ядами. Я подумал, ты помогаешь со зверями.

— Я об этом не задумывался... пока ты не сказал.

Ответ повис между ними. Вдруг из кустов вырвался волк. Шерсть дыбом, губы приподняты, рычание низкое, угрожающее. Он встал между ними, закрывая Морна. Рэн и Морн одновременно выхватили оружие. Из зарослей поползли змеи. Морн действовал быстро, чётко, без лишних движений — головы летели в разные стороны. Волк рвал тварей зубами, не давая им сомкнуть кольцо. И вдруг — резкий отступ. Волк исчез в чаще, Морн ушёл следом, не сказав ни слова.

— Вот же ж... — выдохнул Рэн.

Змеи сомкнулись. Лес будто ожил, зашевелился, сдавил. Рэн отступал, отбиваясь, пятась к поселению. Его кусали, но антидот пока держал — тот самый, что дал лекарь. Сердце колотилось, дыхание рвалось. Он вырвался на окраину поселения почти на пределе. Перед ним стоял Дерст. Суровый, спокойный, неподвижный. Когда Рэн был уже вплотную, глава поднял руку, будто хотел коснуться его. Рэн дёрнулся, уходя, и Дерст вместо этого коснулся змеи. Та исчезла, будто её и не было.

— Ты в порядке? — спросил Дерст.

— Да.

— Морн прибежал ко мне и всё рассказал. Мы собрались и пошли за тобой. Но змеи взяли нас в кольцо. Такого раньше не было. В поселение они не заходят... пока. Мы не знаем, что делать с ними.

— Я разберусь, — сказал Рэн.

Он развернулся и пошёл.

— Как? — окликнул его Дерст.

Рэн не ответил. В доме стояла вязкая тишина, такая, что слышно было собственное дыхание. Бескостный всё так же лежал на койке, будто и не двигался с момента возвращения. Рэн сел на край кровати, упёрся локтями в колени. Голова кружилась, тело ломило так, будто по нему проехали телегой, а потом ещё раз — для надёжности. Бескостный приподнял руку, показал жестами: что с тобой? нужна моя помощь?

— Пока нет... я думаю, — глухо ответил Рэн.

Он сидел и смотрел в одну точку, не моргая. Мысли вязли, расползались, возвращались по кругу. В голове стоял гул. Только глубокой ночью усталость всё-таки сломала его, и он провалился в тяжёлый, рванный сон. Утром лучше не стало. Тело было чужим, скрипучим, будто собрано кое-как. Рэн вышел из дома, добрёл до лавочки на окраине и сел. Поселение жило, но неправильно: люди делали привычные дела, носили воду, чинили заборы, таскали мешки — и при этом всё время оглядывались, вздрагивали от каждого резкого звука. Напряжение висело в воздухе, как перед грозой. Из чащи показался лекарь, с мешком трав за плечами. Он шёл осторожно, но уверенно, будто лес был ему старым знакомым.

— Здравствуйте, — сказал он, подходя ближе. — Слышал, вам вчера опять досталось?

— Да, — хмыкнул Рэн. — Теперь я точно ненавижу змей.

Лекарь усмехнулся, покопался в сумке и достал маленький пузырёк с мутной жидкостью.

— Вот. Выпейте. Полегчает. Не сразу, но полегчает.

Рэн взял пузырёк, покрутил в пальцах.

— Спасибо. А ты не боишься ходить в лес?

— Далеко не захожу, — пожал плечами лекарь. — Но сидеть сложа руки не могу. Людям лекарства нужны, особенно сейчас.

Рэн кивнул. Они попрощались. Он выпил зелье — на вкус мерзкое, травяное, с горечью, — и снова сел, наблюдая за поселением. К вечеру стало чуть легче. Он вернулся домой и уснул почти сразу. На следующий день он снова сидел на той же лавочке. Просто смотрел, слушал, собирал картину по кускам. Когда солнце с трудом поползло к закату, Рэн поднялся и пошёл к Морну.

— Завтра проведёшь меня до города, — сказал он сразу.

Морн аж руками замахал.

— Ты с ума сошёл? Сейчас никто не выходит за пределы поселения.

— Я заплачу.

— Жизнь дороже, — отрезал Морн. — Уходи. Это моё последнее слово.

На следующий день Рэн снова сидел на лавочке. Самочувствие заметно улучшилось. К нему подошёл Дерст, мрачный, небритый, с тенью бессонных ночей под глазами.

— Ты сказал, что разберёшься, — сказал он. — А уже третий день сидишь здесь.

Рэн медленно поднял на него взгляд.

— «Бездонный карман» — полезное заклинание. И, думаю, не единственное, — спокойно сказал он. — Как ты сюда попал? Да, ты глава, но всё же.

Дерст нахмурился.

— К чему ты это?

— Интересно.

— Ты издеваешься?! — вспыхнул Дерст. — Как это поможет? Люди в панике, мы заперты здесь!

— Просто ответь, — Рэн посмотрел на него злобно, без тени улыбки.

Дерст хотел что-то сказать, но сдержался. Выдохнул.

— Я был стражем в королевской армии. Меня подставили. Так я и оказался здесь. Доволен?

— Да, — Рэн встал. — Завтра всё закончится.

Он пошёл домой, посмотрел на Бескостного и коротко сказал:

— Ложись спать. Завтра утром у нас дело.

Бескостный перевернулся на бок. Рэн рухнул на кровать. Они поднялись, когда до света оставалось минут тридцать. Воздух был холодным, влажным, пах мхом. Поселение спало, окна тёмные, только где-то хрипел петух, будто его пробуждение тоже раздражало. Они вышли за пределы деревни и устроились в засаде среди папоротников. Именно тут тропа уходила в лес. Рэн себя чувствовал в целом нормально, но у него поднялась температура это мешало, но выбора не было. Минут десять ничего не происходило, и уже начало казаться, что он ошибся. Но затем туман чуть дрогнул, и на тропе возник силуэт — худой, сутулый, тихий. В руках — что-то вроде сумки или книги, трудно понять из-за темноты. Рэн показал Бескостному короткий знак: идём. Тот кивнул.

Тень шла уверенно, будто знала путь. Через десять минут лес раскрыл каменную пасть пещеры. Силуэт нырнул внутрь. Рэн и Бескостный последовали за ним, ступая бесшумно. Внутри было прохладно, сыро. Пахло землёй, пылью и чем-то едким — запахом, похожий на настойки, но в сотни раз сильнее. Чем дальше они углублялись, тем сильнее казалось, что стены пульсируют. Внезапно из-под камней выскочила крупная змея. Рэн даже не успел подумать: клинок сам рассёк воздух и разрубил тварь на две части. Хвост дёрнулся и затих. Из темноты раздался знакомый мягкий голос:

— Как ты понял?

Рэн обернулся на звук. Перед ним стоял лекарь. Худой, бледный, очки поблёскивают. Лицо — спокойное, будто произошло что-то обычное. И от этого становилось только страшнее. Рэн без суеты занял боевую стойку.

— Ты лекарь и работаешь с ядами, — произнёс он. — Но я не увидел у тебя ни одной змеи. Ни трупов. Ни питомцев. И ты не похож на человека, который мог бы в одиночку справиться с ядовитой гадиной. И ты слишком смело ходишь по лесу. Значит... ты «Заклинатель змей».

На лице парня появилась лёгкая улыбка. И в этот момент земля под ногами дрогнула. Из темноты плавно выдвинулась огромная голова — блестящая, как мокрый обсидиан. Вот он. Король скадрек. Тварь была больше двадцати метров. Чёрная, будто соткана из ночи, а снизу — белая челюсть и брюхо, широкое, полированное. По телу проходили золотые полосы, мерцали, словно живые.

— Показался, — сказал Рэн. — Как ты им управляешь?

Парень тихо рассмеялся — смех был почти детским, но леденящим.

— Нет, ты всё неправильно понял. Я познакомился с ней недавно.

— Она?.. — Рэн прищурился.

— Я гулял по лесу, — спокойно начал парень. — Наткнулся на алтарь. И тогда она появилась. Я попытался от неё убежать, но не смог. А потом... услышал в голове чужие мысли. Это она пыталась со мной говорить. Разумно — как человек или тролль. Я стал первым разумным существом, которое смогло её понять. Она рассказала, что когда-то жила на другой планете и переродилась здесь. Я объяснил ей, что это за мир, рассказал о магии и о том, что мы можем общаться, потому что я заклинатель змей.

При свете золотых полос Рэн заметил на белом брюхе змеи родимое пятно — треугольное, точно такое же, как его собственное. Сердце неприятно кольнуло. Парень гладил гигантскую морду. Змея доверчиво ткнулась в него, как щенок.

— Я полюбил её, — сказал он тихо.

— Мило, но странно, — хмыкнул Рэн. — И ты серьёзно думаешь, что вас кто-то оставит в покое?

В глазах парня вспыхнуло раздражение.

— И это меня злит. Она просто защищается. Она ест. Почему люди боятся того, чего не понимают?

— Меня послали убить её, — ответил Рэн. — Так что...

— Нет. Это мы убьём тех, кто нам мешает.

Рэн усмехнулся.

— Знаешь, у меня на планете есть мультик. Ты не знаешь, что это такое, не важно. Там дракон полюбил осла, и у них появились дети. Я всегда думал: как, блядь? Так вот. Как? Ты ныряешь внутрь неё, барахтаешься и дрочишь? Вы же еще и из разных видов...

— Заткнись, — прошипел парень, и на лбу у него вздулась вена.

Бескостный наклонился к Рэну и жестами спросил: Змея твоя?

— Ты издеваешься? — бросил Рэн.

Он только пожал плечами — мол, ладно, раз ты так хочешь — и шагнул вперёд, скидывая с себя четыре ремня, будто сбрасывал ненужный груз. Бескостный выглядел расслабленным, но в его глазах блеснул тот самый холодный азарт, который появлялся лишь тогда, когда он наконец мог действовать в полную силу. Змея рванула к нему, раскрывая пасть так широко, что туда можно было руку по локоть засунуть. Бескостный сжал кулаки — и по коже пробежал хруст. Лёд будто вырос из его пальцев, покрыл руки до локтей, превращая их в массивные голубоватые булавы. Первый удар пришёлся прямо в морду змеи. Хрустнуло так, будто ломалась целая ледяная плита. Лёд на его кулаке треснул, но голова змеи отлетела вбок, размазываясь по камню. Второй удар прилетел настолько стремительно, что воздух взвыл — и вся пещера

дрогнула, будто ударил гром. Огромное тело змеи отшвырнуло назад, она выгнулась, покачала головой и угрожающе обнажила клыки, шипя и высовывая длинный раздвоенный язык.

Тем временем Рэн рванул вперёд — целясь в парня. Но дорогу ему тут же перегородила стая змей помельче, вылезавших из трещин, словно сама пещера их выплюнула.

— Да пошли вы... — выдохнул он и резко швырнул в сторону небольшую самодельную хлопушку.

Та ударилась о стену пещеры и с резким хлопком разорвалась, рассыпав по камню резкий треск и облако пыли с мелким мусором. Змеи дёрнулись, зашипели и на мгновение отвлеклись, потеряв цель в звуке и движении. Рэн рванул в сторону, прижался к стене, уходя в тень, и на короткий миг позволил себе выдохнуть. «Ну всё. Готово. Сработало», — мелькнуло у него в голове. Он ошибся.

Лекарь оказался рядом с Рэном и резко дёрнул рукой. Из рукава мелькнул короткий нож — узкий, тёмный, почти хирургический. Удар был идеальным: быстрым, чистым, без лишнего замаха. Рэн увидел его за долю секунды до того, как лезвие почти коснулось его шеи. Парень бил точно в сонную артерию, без колебаний, как будто делал это сотни раз. Рэн оттолкнулся назад из последних сил. Нож чиркнул по воздуху, там, где мгновение назад была его кожа. Чёрт. Температура мешала — тело запаздывало, движения были чуть медленнее, чем нужно. Лекарь пошёл в атаку, не сбавляя темпа. Он махал ножом коротко, экономно, опасно, а с другой руки змеи буквально выпрыгивали, как с трамплина — одна за другой, сворачиваясь в полёте и сразу бросаясь вперёд. Шипение смешалось с хриплым дыханием и звуком скользящих тел по камню. Рэн пятился, уклоняясь, чувствуя, как по вискам стекает пот.

— Ты меня отравил?! — крикнул он, уворачиваясь от очередного броска.

Парень усмехнулся. Улыбка была спокойной, почти дружелюбной.

— Но ты сильно не радуйся, — усмехнулся он сквозь зубы. — Надо было выбрать что-нибудь поэффективнее. И да, я тоже разбираюсь в травах.

Рэн незамедлительно перекинул клинок в другую руку, а свободной нырнул в сумку на пояс. Пальцы нащупали смятые листья — горькие, жёсткие. Он сунул их в рот и начал жевать. Вкус был мерзкий, вязкий, язык сразу свело, но через пару вдохов кровь ударила в виски, мир стал резче. Мышцы налились жаром, сердце забилось быстрее. Стало легче. Адреналин врезался в тело, как кнут. «Живи. Потом разберёшься», — мелькнула мысль.

Он сжал оба клинка, почувствовал привычный вес, и активировал способность «Быстрый шаг». Мир дёрнулся, поплыл, будто его сдвинули в сторону. Рэн сорвался с места, метаясь по площадке рваными траекториями, ломая любой понятный ритм. Для стороннего взгляда он будто распадался на тени и тут же собирался обратно, оставляя за собой смазанные следы движения. Лекарь выругался и отступил. Он явно не успевал. Руки дрожали, но движения оставались заученными, почти рефлекторными. Он быстро, зло что-то прошептал, сорвался на шипение — и пол под ногами зашевелился. Из щелей, из теней, из-под камней полезли змеи. Тонкие и толстые, тёмные и пятнистые, они выползали волной, скользя по земле, переплетаясь, замыкая вокруг Рэна плотное, живое кольцо. Воздух наполнился сухим шорохом чешуи и холодным, неприятным ощущением опасности.

— Вот дерьмо... — выдохнул Рэн, даже не замедляясь.

Он влетел в кольцо на скорости. Клинки мелькнули. Первый удар — голова змеи отлетела в сторону, кровь брызнула на пол. Второй — ещё одна, третий. Он двигался почти вслепую, на ощущениях, на чистых рефлексках. Змеи бросались, шипели, щёлкали пастями, но не успевали. Он рубил их на бегу, перепрыгивал через извивающиеся тела, скользил, едва не падая, но тут же выравнивался, снова ускоряясь. Рэн не дал кольцу сомкнуться. Он прорвал его и вырвался вперёд, напрямую к лекарю.

Тот махал ножом в воздухе, резал пустоту, пытался поймать момент. Рэн уклонялся, играя с дистанцией, заставляя его нервничать. Змеи, ещё живые, рванули на помощь хозяину,

но Рэн убивал их на ходу. С каждой упавшей тварью лицо лекаря становилось всё бледнее. Шорох постепенно стихал, превращаясь в редкие, жалкие движения. Когда последняя змея дёрнулась и замерла, Рэн остановился. Он тяжело дышал. Пот стекал по спине, руки гудели от напряжения. Он посмотрел на лекаря. Тот сделал шаг назад. Рэн сложил пальцы, вытянув руку, будто держал невидимый пистолет. «Воздушная пуля». Две прозрачные сферы сорвались с его пальцев почти беззвучно. Воздух перед ними сжался, дрогнул. Удары были глухими, плотными — словно в грудь одновременно врезались два тяжёлых кулака. Лекаря мотнуло назад. Рэн рванулся вперёд, схватил его за плечо и впечатал в тело заклинание «Разряд». Тело лекаря дёрнулось, выгнулось, молния прошла по нему резким спазмом. Рэн сорвал с него сумку одним движением. Лекарь рухнул, скатившись в неглубокую яму у стены. Рэн уже не смотрел на него. Он рылся в сумке, лихорадочно перебирая пузырьки и свёртки, ища противоядие, пока яд ещё не успел сделать своё дело.

Гулкий крик змеи прокатился по пещере. Эхо ударило по ушам, как набат. Змея ударила первой. Хвост, толстый как балка, свистнул по воздуху и врезался в Бескостного так, что того буквально впечатало в каменную стену. Камень пошёл сеткой трещин, осыпались крупные куски. Любой другой человек умер бы мгновенно — но Бескостный лишь медленно выпрямился, как будто отряхивал с плеч пыль, а не переживал удар, способный переломить лошадь. Его глаза потемнели, зрачки вытянулись — он переходил в боевую форму. Внутри него что-то хрустнуло, перестраиваясь, и он рванулся вперёд не как человек, а как что-то древнее и очень злое. Он подскочил к змее и ударил лбом ей в морду — коротко, резко. Воздух взорвался глухим хлопком. Змея отшатнулась, но тут же попыталась схватить его челюстями. Бескостный поднял руку и активировал первую способность.

«Костяная поступь». Кости в его ногах и руках утяжелились, заполнились плотью и силой, как будто стали металлическими. Каждый его удар теперь ломал чешую, будто бил по сухой глине. Он врезал ей кулаком в бок — удар был настолько сильным, что по телу змеи прошла волна, чешуя треснула, брызнула тёмная кровь. Змея взревела и закрутилась смерчем, пытаясь сбить его. Хвост шлёпал по полу, разламывая камень. В один из таких рывков она успела — молниеносно — вонзить клык ему в живот. Клык вошёл глубоко, с хрустом, будто пробивал кару дерева. Боль была чудовищной. Но Бескостный даже не выдохнул. Он ухватил её зуб двумя руками и, задействовав вторую способность, выдохнул: «Развязка суставов».

Его суставы стали мягкими, гибкими, как у змеи. Руки выгнулись под немыслимым углом — и он сломал клык резким, почти неприродным движением. Вытащил его, и метнул обратно. Зуб полетел как стрела и врезался в белёсое брюхо, оставив дыру, из которой хлынула густая, чёрная кровь. Змея взвыла, выгнулась, потеряла ритм. И сразу же, обезумев, обрушилась на него всем телом — мощным, длинным, живым мускульным канатом. Она попыталась смять его, раздавить, обвить в кольцо и задавить. Бескостный лишь хрипло рассмеялся и активировал третью способность.

«Хребет великана». На миг его спина покрылась светящимися линиями, словно под кожей проснулись какие-то древние руны. Мышцы уплотнились, тело стало не сгибаемым — будто его вылепили из камня. Змея сдавливала его, но он стоял, как вбитый в землю кол. Затем его руки двинулись вверх — медленно, против усилий громадной твари — и сомкнулись на её шее. Пальцы впились в жёсткую чешую, и чешуя закрипела, поддаваясь под давлением. Он тянул её к себе, тянул, пока огромная змея билась, рвалась, издавала сдавленные, сиплые рычания. Она хлестала его хвостом, билась телом о стены, обрушивала сверху вес, но он только усиливал хватку. Секунды тянулись, словно нити. Хрустнул первый сегмент позвонка. Потом второй. Змея захрипела. Тело её дрогнуло, потеряло силу, распласталось по каменному полу. Хвост дёрнулся несколько раз и обмяк. Бескостный стоял над ней, тяжело дыша, покрытый кровью — её и своей. Он медленно разжал пальцы, отступил на шаг и лишь тогда позволил себе выдохнуть. Змея пала. Из ямы раздался истеричный, срывающийся на визг крик.

— Нет! Нет! Я убью вас! — захлёбываясь, орал лекарь.

Рэн и Бескостный стояли на краю, смотрели вниз. Запах сырой земли поднимался вместе с его воплями. Внизу, в этой грязной каменной пасти, лекарь выглядел жалко и одновременно жутко: растрёпанные волосы, лицо в грязи, глаза бешеные, водянистые, как у зверя, загнанного в угол. Он пытался подняться, цепляясь за стены, но каждый раз соскальзывал обратно, оставляя на камне полосы крови. По его ногам уже ползли змеи — тонкие, гибкие, все тех же оттенков той же ядовитой расцветки, что была у их мёртвой матери. Они двигались почти синхронно, будто понимали друг друга без слов. Одна подпрыгнула, вцепилась ему в ладонь.

— Ай! — вскрикнул он, согнувшись. — Слушайте меня... слушайте же...

Но змеи не слушались. Они шипели, впивались клыками куда придётся, обвивались вокруг его рук, шеи, туловища. Он пытался их стряхнуть, но движения становились всё более хаотичными. Что будем делать? «Убьём их?» — спросил Бескостный. Рэн выдохнул, провёл ладонью по лицу.

— Мне сказали убить только короля, — ответил он. — Про них никто не говорил. Выживут — значит выживут. Нет — ну, судьба такая.

Бескостный хмыкнул, чуть наклонился, наблюдая, как лекарь внизу захлёбывается криками, которые постепенно превращаются в сиплый скулёрж..

— Ладно, — сказал Рэн, — давай залутаем здесь всё, что можем. И Матису скажем, где лежит трофей. Он отвернулся от края.

Задание третье защита города

Рэн сидел на ловкачке у самой окраины поселения. Доски под ним были тёплые, нагретые солнцем, воздух стоял густой и липкий, как всегда здесь днём. Пот стекал по спине, одежда неприятно прилипла к коже, но Рэну было плевать — он просто откинулся назад и смотрел в никуда. Бескостный дремал неподалёку в высокой траве. Настолько спокойно и расслабленно, что на него пару раз почти садились птицы, принимая за очередной валун или поваленное дерево. Он даже не шевелился — только грудь едва заметно поднималась и опускалась. К Рэну подошёл Матис.

— Погрузили голову змеи? — не глядя на телегу, спросил Рэн.

— Да, — кивнул Матис. — Честно говоря, не ожидал, что ты справишься.

Рэн иронично улыбнулся.

— Спасибо за доверие, — сказал он с таким сарказмом, что можно было резать ножом.

Матис хмыкнул.

— Не кипятись. Когда я увидел эту тварь... — он на секунду замолчал, будто снова видел перед собой короля скадрека. — Она была ещё внушительнее, чем я представлял. Так что воспринимай это как комплимент.

Рэн тихо рассмеялся и откинулся на лавке, подставляя лицо теплему свету. Матис перевёл взгляд на хлипкую телегу. Та была нагружена чем-то массивным и накрыта плотной бизоньей шкурой, так что разобрать, что именно там лежит, было невозможно. Рядом лениво жевал траву загруженный мул, время от времени фыркал и мотал ушами.

— А это что? — кивнул Матис на телегу.

— Да так, — махнул рукой Рэн. — Сувениры. Приедем домой — подарю друзьям магнитики на холодильник.

Матис медленно закрыл глаза и устало выдохнул, поправляя доспех.

— Я... ничего не понял, если честно. Но мне вообще всё равно. Это меня не касается. Ты сейчас куда?

— В Тернприн, — ответил Рэн. — В порт.

— Понятно. Я сегодня вылетаю, — кивнул Матис. — Значит, когда вернёшься в Валэнтар — встретимся.

— Да, — коротко ответил Рэн.

Они попрощались без лишних слов — крепко, по-деловому. Рэн окликнул Бескостного. Тот открыл глаза, будто и не спал, поднялся одним плавным движением и встал рядом. Рэн взял мула под уздцы и повёл к выходу из поселения. У тропы их уже ждал Морн. Они вышли в джунгли и не спеша побрели вперёд, оставляя за спиной поселение, жару и запах дыма, погружаясь в зелёную, влажную тишину леса.

Волк шёл впереди, низко опустив голову и иногда останавливаясь, чтобы принюхаться. Несколько часов спустя заросли начали редеть, и они вышли на дорогу. Путь сразу стал проще. Расчищенный грунт, укатанный телегами, твёрдая почва под ногами. Телега больше не вязла, мул шёл ровнее, шаг стал увереннее. Ноги наконец упирались в землю, а не в грязную кашу. Они смогли ускориться, и даже воздух показался чуть легче. Когда стемнело, они устроили привал у самой дороги. Небольшая поляна выглядела как старое место стоянки: пень, на который были небрежно наброшены кривые доски — подобие стола; рядом несколько поленьев, расставленных кругом, словно кто-то когда-то решил сделать из них стулья. Чуть поодаль — каменная кладка в виде кольца для костра, закопчённая и потрескавшаяся от времени. Наступал вечер, лес темнел быстро.

Морн сидел на корточках и чесал волка за ухом. Тот тихо ворчал от удовольствия, но глаза всё равно оставались настороженными. Рэн жевал вяленое мясо, медленно, вдумчиво,

ощущая солёный вкус и жир на языке. Бескостный сидел чуть в стороне и смотрел в лес. Он был напряжён — это чувствовалось, хотя по лицу, как всегда, нельзя было понять, что у него в голове.

— Сколько нам ещё идти? — спросил Рэн, не отрываясь от еды.

— В таком темпе — месяц, — спокойно ответил Морн.

— Расскажи подробнее.

Морн поднялся и подошёл ближе к огню.

— Зайдём в несколько городов, пополним запасы. Потом перейдём границу и попадём на земли троллей.

— С этим проблем не будет? — уточнил Рэн.

— Нет. Королевства в альянсе, отношения нормальные. Вот на земли зверолодей было бы сложнее попасть... — он на секунду замолчал. — Но тебе нужен портовый город Тернприна. Это город троллей. Так что проблем не будет.

— Понятно.

Они посидели ещё немного, дослушали, как догорает костёр, и легли спать. А утром снова двинулись в путь. Так они кочевали несколько дней. Перед первым городом оставался всего день пути. Всё было слишком спокойно. А Рэн уже знал — если долго всё идёт гладко, значит, это долго не продлится. Волк внезапно вздыбился и зарычал. Глухо, низко, без истерики — так рычат только тогда, когда опасность уже рядом. На дорогу вышла стая зверей.

Крупные, плечистые, на длинных лапах. Мощные груди, короткая плотная шея, широкие головы. Шкура густая, плотная, серо-бурая с тёмными пятнами и полосами, переливающаяся на солнце. Уши прижаты, пасти приоткрыты, дыхание тяжёлое. Глаза — жёлтые, внимательные. Это были не обезумевшие твари. Перед ним стояли терпеливые хищники. Рэн потянулся к кинжалам. Морн тут же остановил его жестом — коротко, без обсуждений. Он вышел вперёд, медленно, показывая зверям открытую грудь. Не как вызов — как знак. Встал, расставив ноги, бил взгляд в вожака стаи.

— Стоять.

Он не крикнул. Он выдохнул это слово вместе с заклинанием. Морн положил ладонь себе на грудь, затем опустил её, будто прижимая зверей к земле. Магия пошла не вспышкой — волной. Спокойной, уверенной. Стая замерла. Передние лапы согнулись, хвосты опустились. Несколько зверей тихо заскулили от внутреннего конфликта. Они слышали Морна. Чувствовали его. Но что-то было не так.

— Уходите, — сказал он тише, усиливая давление. — Назад.

Звери начали пятиться. Медленно, неохотно. Один из них сделал шаг в сторону чащи... и тут же остановился. Поднял голову. Понюхал воздух. Посмотрел назад, туда, где дорога уходила в тень деревьев. Остальные повторили за ним. Морн нахмурился. Он усилил заклинание, напряг плечи, сжал пальцы, будто держал поводья. По виску стекла капля пота.

— Назад, я сказал, — процедил он.

Но звери не подчинились. Они не злились. Не бесновались. Они боялись. Не Морна — чего-то другого. И этот страх оказался сильнее его власти. Концентрация дала трещину. Заклинание рассыпалось. Вожак зарычал — резко, властно. Стая кинулась. Морн сразу выхватил меч. Без суеты. Первый удар — снизу вверх, под челюсть. Зверь рухнул, захлебнувшись кровью. Второй прыгнул сбоку — Морн ушёл в разворот, рассёк бок, и добил коротким колющим ударом. Волк ворвался в бой, как тень. Он работал чисто: валил за лапы, вцеплялся в горло, рвал, отпускал, снова бросался. Ни одного лишнего движения. Рэн вступил следом. Кинжалы работали быстро, аккуратно. Он бил в шею, под лопатку, туда, где можно убить. Один зверь снёс его плечом — Рэн перекатился, вскочил и вонзил клинок в основание черепа. Бескостный стоял в стороне. Не вмешивался. Он смотрел в лес, напряжённо, будто чувствовал то же, что и звери. Его взгляд был злой, сосредоточенный, словно он пытался нащупать источник этого

страха. Через несколько мгновений всё закончилось. Туши валялись на дороге в беспорядке, перекрученные, изломанные. Кровь стекала в пыль, смешиваясь с землёй и делая её чёрной. В воздухе стоял резкий, металлический запах.

— Что это было? — спросил Рэн.

— Хрен знает, — Морн тяжело дышал, вытирая клинок. — Эти звери были напуганы. Поэтому заклинание не держалось. И ещё... они не заходят так далеко. Тем более не выходят на тропы к людям. Это, блядь, какая-то чертовщина.

Он почесал голову и уставился на мёртвые тела. Рэн подумал только одно: ну вот, опять какая-то хрень.

— Ладно, — сказал он. — Я сейчас разделаю туши. Сниму шкуры, мясо засолю — и пойдём.

— Мясо у них говно, — покачал головой Морн. — А вот шкуры можно хорошо продать.

— Тогда поделим шкуры.

Морн удивился.

— Достаточно великодушно с твоей стороны.

Они быстро разделали зверей — без лишних разговоров, на автомате. Шкуры аккуратно свернули, мясо бросили хищникам и падальщикам, и снова вышли на дорогу. Лес постепенно редел, деревья становились ниже, суше, кроны — редкими. Земля менялась: красноватая, твёрдая, потрескавшаяся, с редкими пучками жёсткой травы и колючих кустов. Воздух был сухой, горячий, пах пылью и смолой.

К первому городу они подошли ближе к полудню. Город стоял на возвышении, будто вцепился в холм. Каменные стены — низкие, толстые, выжженные солнцем до цвета охры. Башни квадратные, без изысков, больше похожие на сторожевые зубы, чем на украшения. Крыши домов — черепица и обожжённая глина, всё в рыжих и бурых тонах, будто город вырос из самой земли. Узкие улицы, навесы из ткани и кожи, чтобы хоть как-то спастись от жары. Вода — на вес золота: колодцы под охраной, цистерны под замками. По краям города — загоны для выючных животных и пыльные рынки. Морн показал Рэну таверну — приземистое здание с толстыми стенами и тенью под навесом.

— Тут и встанем, — сказал он. — Еда терпимая, крыша не течёт. Для запасов — южный рынок, лавки кожевников вдоль стены. Оружейники ближе к воротам.

Рэн кивнул. Он вытащил из телеги аккуратно свёрнутый кусок шкуры королевской змеи и пошёл в город один. Город жил тревожно. Люди говорили вполголоса, часто оглядывались. В разговоры то и дело просачивались слова «звери», «ночью», «опять», «слишком близко». Рэн слушал, не вмешиваясь, просто впитывал. Он заходил в лавки ремесленников. Кузнецы, кожевники, скорняки. Разворачивал шкуру. Реакция у всех была одинаковая. Сначала — удивление. Потом — восхищение. Потом — отказ. Мастера трогали кожу, проводили пальцами, стучали костяшками, пробовали ножом край. Качали головами.

— Не возьмусь.

— Не знаю, как с этим работать.

— Тут нужна другая обработка.

Один старый кожевник сказал прямо:

— С таким только к троллям. У них руки под это заточены. Если они не смогут — значит, никто не сможет.

Рэн поблагодарил, свернул шкуру и вышел обратно под свет лиара. В городе они провели один день и две ночи. Отоспались, пополнили запасы воды и еды, ничего лишнего. Рэн чувствовал, как напряжение не уходит, а наоборот — накапливается. Морн молчал всё чаще, смотрел вдаль дольше, чем нужно. Дальше снова была дорога.

Та же сухая земля, те же ночёвки под открытым небом. Иногда звери появлялись внезапно — тогда Морн их умирал. Иногда — не получалось, и приходилось резать. После каж-

дого такого случая Морн становился всё мрачнее, всё тише, будто что-то внутри него не сходялось. И вот впереди показались стены второго города.

Он был заметно больше первого — широкий, шумный, живой. Близость границы сделала его узлом торговли: сюда стекались караваны, шли товары с востока и запада, менялись вещи, деньги и слухи. Стены — высокие, каменные, сложенные из светлого песчаника, с массивными башнями и зубцами. Ворота — двойные, обитые железом, перед ними — постоянная толкотня: телеги, вьючные животные, торговцы, наёмники. Над городом висел запах пыли, кожи, дыма и специй. Внутри — узкие улочки, дома в два-три этажа, балконы нависают так низко, что можно коснуться рукой. Навесы из ткани спасали от солнца, на площадях стояли фонтаны.

Рэн наконец-то смог сходить в баню и выспаться в нормальной кровати. Горячая вода смыла с него пыль дороги, усталость и липкий страх последних дней. Они задержались здесь дольше обычного — Морн оформлял документы для перехода через границу. Бумажная возня, печати, подписи, ожидание. Они остановились на окраине, ближе к стене. И именно там Рэн заметил, что городская стража ведёт себя странно: больше патрулей, оружие наготове, суета без объяснений причин. Это он уже не мог игнорировать.

Ночью Рэн не спал. Сидел у окна, в полной темноте, прислушиваясь к городу. И вдруг — крики. Огонь. Тревожный звон металла. Он не раздумывал. Рэн спрыгнул, накинул капюшон, активировал способности «Быстрый шаг» и «Ночное зрение». Мир стал резким, чётким, наполненным оттенками серого. Он скользил по улицам, по крышам, через тени — туда, где вспыхивали факелы. За пределами города шёл бой.

Городская стража сражалась со звероподобными тварями. Те были под три метра ростом, жилистые, горбатые, с длинными хвостами и вытянутыми мордами. Кожа — чешуйчатая, плотная, местами усиленная грубой кожаной бронёй. На них висели кости, зубы, черепа — трофеи и обереги. Лица были раскрашены яркой краской: полосы, символы, пятна — всё это делало их ещё более жуткими. Вооружены они были булавами, тяжёлыми, шипастыми, или стальными когтями, надетыми прямо на лапы. Некоторые шептали заклинания — воздух наполнялся ядом, огненные шары рвались среди щитов, водяные лезвия резали строй. Стража проигрывала. Броня и дисциплина не спасали от грубой силы и магии. Людей теснили.

Рэн быстро нашёл главаря. Он был крупнее остальных, в нагромождении костей, с посохом, пульсирующим магией. «Мягкий шаг». Присутствие Рэна растворилось. Он оказался за спиной ящера, прыгнул — коротко, точно — и воткнул оба кинжала ему в глаза по самые рукоятки. Ящер взвыл, дёргался, пытался стащить его с себя, мотал головой. Несколько секунд яростной борьбы — и тело обмякло, рухнуло в пыль. Ящеры замерли. Рэн не стал ждать. Он рванул вперёд, врезался в ближайшего и ударил заклинанием «Разряд». Того затрясло, мышцы свело. Рэн тут же выстрелил ещё в двоих «Воздушными пулями» — их отбросило, ломая строй. Ящеры растерялись. Их атака рассыпалась. Стража тут же воспользовалась этим моментом, сомкнула ряды, пошла вперёд, добывая и захватывая тех, кто ещё стоял. Бой закончился так же внезапно, как и начался. Один из стражей подошёл к Рэну.

— Я глава городской стражи. Римор, — он выпрямился, резко, по-военному, и отдал честь.

— Рэн, — коротко ответил он.

— Мы... — Римор выдохнул, глянув на поле боя и связанных ящеров. — Мы благодарны вам за помощь. Без вас тут всё могло закончиться куда хуже.

— Да брось, — отмахнулся Рэн, не сводя взгляда с пленных, которые дёргались, шипели и выкрикивали что-то гортанное, надрывая глотки. — Мне было по пути.

Римор прищурился.

— Вы ведь не местный, верно?

— Авантюрист из Валэнтара.

Страж хмыкнул и тихо присвистнул.

— Чёрт... далеко же вас занесло.

— Такое у вас часто бывает? — спросил Рэн, наконец посмотрев ему в глаза.

Римор стал серьезнее.

— Нет, — он медленно покачал головой. — Зверолюды уже давно не совалясь на земли Хикста. А тут — вот это. — Он кивнул в сторону трупов. — Слишком нагло.

— Ты понимаешь, что они орут? — кивнул Рэн на пленных.

— Нет, — раздражённо выдохнул Римор. — У них языков до хрена, да ещё и диалекты.

— Жаль, — сказал Рэн после короткой паузы. — Ладно, я пойду.

— Постой, — Римор шагнул ближе. — Мы вас обязательно отблагодарим.

Рэн усмехнулся уголком рта, махнул рукой и исчез в темноте. На следующий день к нему пришёл Морн.

— Ну... ты вчера знатно постарался, — Морн усмехнулся краешком губ, но в глазах читалась усталость. — Документы оформили так быстро, что я сначала решил — подвох. За все годы ни разу такого не видел.

Рэн сидел молча, уставившись куда-то в сторону, будто слушал, но думал совсем о другом.

— Ты что-нибудь узнал про нападение? — наконец спросил он, не поворачивая головы.

Морн вздохнул и опустилсь рядом, опираясь локтями на колени.

— Немного. Совсем крохи. Разобрали только два слова: «опасность» и «идут». — Он сделал паузу, почесал подбородок. — И мне это ни хрена не нравится.

Рэн посмотрел на него внимательнее.

— Я смогу провести тебя до границы, — продолжил Морн уже тише. — А дальше, до портового города, пойдёшь сам. Мне нужно возвращаться домой. Всё это... — он махнул рукой, — слишком мутно. Не хочу оставлять своё без присмотра.

Рэн кивнул без споров.

— Ничего, — сказал он спокойно. — Понимаю.

Они собрались и двинулись дальше. Через два дня вышли к пограничному посту. Хикст пропустил их без вопросов — формально, быстро. А вот на посту Тернприн всё встало. Тролли перегородили дорогу массивными телами. Высокие, широкоплечие, с кожей цвета старого камня, в тяжёлых кожаных доспехах, стянутых медными заклёпками. Говорили глухо, на своём языке, и смотрели не на лица — на телегу. На груз. Рэн и Бескостный отошли в сторону, пока Морн общался с пограничниками. Разговор был долгий, вязкий, с паузами и недовольным сопением. Наконец Морн вернулся.

— Они хотят, чтобы вы заплатили налог за груз в телеге, — сказал он.

— И сколько? — Рэн даже не поднялся.

— Пять золотых.

Рэн медленно выдохнул и покачал головой. Сумма была не критичная, но расставаться с золотом он не любил принципиально.

— Как думаешь, вместо денег возьмут шкуры?

Морн прищурился.

— Можно попробовать. Пойдём.

Они подошли к троллям. Морн заговорил, Рэн молчал. Язык он не понимал, но когда тролли кивнули и жестом попросили показать груз — всё стало ясно. Рэн откинул брезент. Шкуры зверей легли на свет — плотные, переливающиеся, с характерным узором. Глаза у троллей вспыхнули. Они тут же спрятали интерес за каменными мордами, но Рэн это заметил. После короткого торга Морн обернулся:

— Они согласны. Осталось договориться о количестве.

— Я отдам им свою половину, — сказал Рэн сразу.

Морн удивлённо посмотрел.

— Ты уверен? Это стоит больше пяти золотых.

— Уверен. Мне эти шкуры не нужны. А с пограничниками лучше быть в хороших отношениях.

Морн пожал плечами и перевёл. Тролли переглянулись, широко улыбнулись и пожали руки. Через несколько минут их пропустили.

— Я договорился с караваном, — сказал Морн уже на той стороне. — Они идут в портовый город Херенстарт, доведут вас. Они не говорят на языке первых, я с ними всё обговорил. Главное — не отставайте.

Рэн протянул руку.

— Спасибо за всё.

— Рад был познакомиться... и поработать, — ответил Морн, сжав ладонь крепко, по-мужски.

Они разошлись. Караван оказался тяжёлым и неторопливым: массивные повозки, запряжённые тягловыми животными, тролли-погонщики, редкие наёмники с молчаливыми взглядами. Полторы недели пути тянулись нудно. Днём — пыль, солнце, красная земля, сухой ветер, будто выдувающий мысли из головы. Ночью — холод, костры, скрип телег и разговоры на чужом языке. Рэн шёл рядом, иногда помогал с охраной, общались жестами. Бескостный держался особняком, шёл сбоку, будто тень каравана. Его не трогали. Его старались не замечать. Пару раз дорогу перегораживали звери, пару раз — подозрительные личности. Караван не любил задержек. Проблемы решались быстро и жёстко. Без лишних слов. И вот однажды утром воздух изменился. Он стал солёным. На горизонте показались башни Херенстарта.

Портовый город троллей врезался в берег, как вбитый клин. Каменные стены тёмного, почти чёрного цвета, толстые, грубые, без изыска — зато надёжные. Башни широкие, приземистые, с массивными балконами и подъёмными кранами. Всё здесь строилось не для красоты. У причалов стояли корабли — пузатые торговые суда, бронированные баржи, ржавые, но живучие. Канаты толщиной с руку, якоря, будто вырванные из скалы. Запах смолы, рыбы, соли и мокрого камня бил в нос. Улицы — широкие, вымощенные плитами, отполированными тысячами шагов. Дома — каменные, многоярусные, с арками и тяжёлыми дверями.

Людей — минимум. В основном моряки: загорелые, пропахшие солью и смолой, да торговцы, которые держались поближе к складам и причалам. Херенстарт не жил — он работал. Здесь никто не шатался без дела и не тратил время на лишние разговоры. Рэн и Бескостный прошли по широкой каменной улице к филиалу гильдии. Здание оказалось небольшим, приземистым, сложенным из тёмного камня, с простой вывеской без украшений. Внутри было почти пусто. Пара пьяных авантюристов сидела у стены, один дремал, другой без интереса ковырялся в кружке. Воздух пах старой бумагой и чем-то затхлым. Рэн подошёл к стойке. За ней скучала девушка — светловолосая, в простой форме гильдии, с видом человека, который давно не видел ничего интересного.

— Здравствуйте, — сказал Рэн. — Я хочу сообщить о выполнении задания.

Она лениво подняла глаза... и замерла. Несколько секунд просто смотрела, будто сверяя его с кем-то в голове.

— Ой... здравствуйте, — сказала она уже живее. — Извините, я думала, опять кто-то из местных припёрся.

— Меня зовут Рэн. Я из Валэнтара. Выполнил задание по убийству короля Скардарека. Девушка резко выпрямилась и начала перебирать бумаги.

— Так вы тот самый авантюрист... — протянула она. — Вы из Хикста, пришли получается? Про вас тут уже слышали. Говорят, король был... внушительный. Это правда?

— Да, — хмыкнул Рэн. — Большая змея. Очень.

Она кивнула и быстро заполнила несколько листов, царапая пером. Рэн тем временем скользнул взглядом по доске заданий. Почти пусто. Пара объявлений — охрана каравана, мелкие твари, бытовуха.

— У вас тут что, совсем мало заданий? — спросил он.

— Ага, — вздохнула девушка. — Почти нет. А если и появляются — ничего серьёзного. Обычно с этим и местные справляются. — Она глянула на него с интересом. — А вы что, хотели ещё что-то взять?

— Нет. Я просто смотрю. Мне надо отплыть на Аранс.

— Тогда вам в порт, — сразу ответила она. — Пассажирских кораблей сейчас мало. Но можно договориться на грузовой, если повезёт.

— Понял. Спасибо. И ещё... — Рэн помедлил. — Нам с другом нужна будет комната на пару дней. И как попасть к ремесленникам? И как с ними договариваться, если я языка троллей не знаю?

Девушка усмехнулась.

— С этим проблем не будет. Комнату я вам сейчас оформлю. — Она вытащила ключи. — Держите. А вот здесь карта. — Протянула сложенный пергамент. — Все нужные места отмечены. Ремесленники тут говорят на первом языке. Город портовый, торговли много — языки знают разные.

— Отлично, — кивнул Рэн.

Девушка ещё раз внимательно посмотрела на него. Рэн развернулся, махнул Бескостному, и они пошли к комнате. В голове было пусто и приятно гудело. Для начала — отдых. Всё остальное подождёт. Вечером он вышел прогуляться по городу. Поел в первой попавшейся харчевне у причала — простая еда, рыба, жёсткий хлеб, что-то кислое вместо вина. Ему понравилось. Херенстарт вообще оказался городом без лишней мишуры: камень, дерево, канаты, крики чаек и постоянный скрип портовых кранов.

Он шёл по карте. Как и ожидалось, почти всё уже было закрыто, но это не мешало. Рэн быстро начал ориентироваться. Он всегда делал одно и то же в новых местах — ритуал, доведённый до автоматизма. Запоминал улицы, считал повороты, отмечал входы и выходы, прикидывал, где можно спрятаться, где узко, где стража ходит лениво, а где с фанатизмом. Оценивал стены, ворота, балконы, крыши. Искал пути отхода и лазейки, даже если сейчас они были не нужны.

Он болтал с бездомными у складов, подкидывал им мелочь, слушал, как они ноют и ругаются. Где-то притворялся туристом — нелепым, наивным, задавал глупые вопросы, смеялся не вовремя. Люди расслаблялись, начинали говорить лишнее. Кто с кем в порту, какие корабли стоят давно, какие скоро уйдут, где капитаны любят выпить и кому можно занести пару монет, чтобы попасть в трюм вместо каюты. К ночи картина сложилась. Утром он уже знал, куда идти.

Рэн направился в порт. Там жизнь кипела с рассвета. Крики грузчиков, рёв троллей-надсмотрщиков, скрежет цепей, запах океана, рыбы и гниющих водорослей. Он обошёл несколько причалов, поговорил с капитанами и их помощниками. Пассажирских судов почти не было — не сезон, да и путь на Аранс считался мутным. Зато нашлось пару грузовых кораблей, которые шли туда за товаром. Места — в трюме или на палубе, еда своя, за сохранность никто не отвечает. Цена — терпимая. Он прикинул сроки и понял одно: всё упирается в ремесленников. Пока они будут работать, корабли ещё постоят. Если работа затянется — придётся искать новые варианты.

Он свернул с набережной и пошёл в ремесленный квартал. Лавка оказалась низкой, с широкими воротами и запахом дублёной кожи и масла. Внутри стоял тролль — старый, массивный, с серой кожей и длинной бородой, перевязанной кожаным шнуром. Он ковырялся в инструментах и не сразу обратил внимание на Рэна.

— Здравствуйте, — сказал Рэн. — Я бы хотел сделать у вас необычный заказ.

Троль нехотя подошёл ближе, прищурился. Смотрел внимательно, будто пытался сразу понять, стоит ли тратить время.

— Что ты хотел, юноша, — проговорил он с тяжёлым акцентом. — Не знаю, с чем ты пришёл, но вряд ли ты меня удивишь.

Рэн молча открыл портфель. Достал кусок змеиной кожи, плотной, переливающейся. Затем скорлупу от яиц — толстую, с прожилками. И клык.

— Аккуратней с клыком, — спокойно сказал он. — Он до сих пор ядовитый. Лучше не трогать голыми руками.

Троль замер. Потом медленно потер бороду.

— Вот как... — протянул он, наклоняясь ближе. — Что это тут у нас...

Он рассматривал трофеи долго, осторожно.

— Признаюсь, — наконец сказал он, — удивил. И что ты хочешь, парень? Чтобы я сделал?

— Мне нужна броня. И клинки, — ответил Рэн.

Троль что-то пробурчал и подозвал мастеров из соседних лавок. Те пришли, переговаривались, щупали кожу, стучали по скорлупе, спорили. Шёпот, хмыканье, недовольные взгляды — всё как обычно, когда речь идёт о чём-то редком и опасном. Наконец они пришли к вердикту.

— Мы возьмёмся, — сказал старик. — Но по срокам точно не скажем. Примерно неделя. И по деньгам... это будет недёшево.

Рэн пожал плечами.

— А если я оставлю вам кожу, которая не понадобится? У меня её много. Устроим обмен?

Тролли снова зашептались.

— Хорошо, — кивнул старик. — Всё будет зависеть от работы. Если материалы покроют стоимость — платы не возьмём. Точно скажем через неделю.

Они пожали руки. Рэн оставил трофеи и вышел на улицу, уже прикидывая сроки. Корабли подождут. Никуда не денутся — море большое, а жадность у капитанов ещё больше. Он пошёл без цели, просто по дороге, пока ноги сами не вывели его на рынок. Шумный, плотный, живой. Запахи били в нос слоями: пряности, жареное мясо, рыба. Ткань висела целыми стенами — грубая, яркая, выцветшая от солнца. Украшения из костей и металла, инструменты, амулеты, посуда, странные механизмы, назначение которых понимал только продавец. Казалося, здесь действительно было всё. Рэн шёл медленно, скользя взглядом, пока не остановился возле оружейной лавки. Но она была не такой, к каким он привык.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.